

РАЙЛИ
СЕЙГЕР

ЗАПРИ ВСЕ ДВЕРИ

ПОПАВ СЮДА ОДНАЖДЫ, ТЫ РИСКУЕШЬ
ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ НАВСЕГДА

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

Райли Сейгер

Запри все двери

Серия «Новый мировой триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50194654

Запри все двери: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-117311-1

Аннотация

Не приводить гостей. Ночевать только в апартаментах. Не беспокоить других жильцов.

Три простых правила, которые Джулс Ларсен должна соблюдать, ведь ее наняли присматривать за квартирой в Бартоломью, одном из самых таинственных зданий Манхэттена. Для Джулс, недавно перенесшей тяжелое расставание, эта работа – отличный шанс начать жизнь с чистого листа.

Джулс заводит знакомство с Ингрид, еще одной работающей по соседству девушкой. Но когда та признается, что в Бартоломью все не то, чем кажется, и темная история, скрытая под его сверкающим фасадом, начинает пугать ее, Джулс отмахивается от нее как от безобидной страшилки...

На следующий день Ингрид исчезает. В поисках правды об исчезновении подруги Джулс погружается в грязное прошлое Бартоломью. Оказывается, Ингрид – не первая пропавшая здесь

девушка, и теперь Джулс нужно как можно скорее разоблачить убийцу и сбежать из Бартоломью.

Содержание

Сейчас	9
Шесть дней назад	12
1	12
2	24
3	35
Сейчас	42
Пять дней назад	44
4	44
5	55
6	62
7	69
8	77
9	92
10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Райли Сейгер

Запри все двери

Посвящается Айре Левин

Джинни перевела взгляд на возвышающееся перед ней здание; ее ноги твердо стояли на земле, но ее сердце переполняли чувства, бескрайние, как бушующее море. Даже в самых смелых своих фантазиях она не думала, что когда-то окажется здесь. Это место всегда было таким ей далеким и недостижимым, словно сказочный замок. Оно и выглядело как сказочный замок – высокое, внушительное, украшенное статуями горгулий. Дворец Манхэттена, населенный местной элитой.

Те, кто жил за его пределами, называли его Бартоломью.

Но Джинни теперь по праву могла назвать его своим домом.

*Грета Манвилл,
«Сердце мечтательницы»*

Riley Sager
LOCK EVERY DOOR

© Riley Sager, 2019

© Лаптева В., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Райли Сейгер – псевдоним бывшего журналиста, редактора и графического дизайнера, который раньше публиковался под своим настоящим именем. Роман «Последние Девушки», первый триллер Райли Сейгера, ныне профессионального писателя, стал бестселлером во всем мире и был отмечен самим Стивеном Кингом. Права на экранизацию приобрела киностудия Universal Pictures.

Вторая книга Сейгера, «Моя последняя ложь», вышла в

июле 2018 года. На нее писателя вдохновили классический роман и фильм «Пикник у Висячей скалы», а еще – одна ужасная неделя, которую десятилетний Сейгер провел в летнем лагере.

Райли Сейгер родился в Пенсильвании, а сейчас живет в Принстоне, штат Нью-Джерси. Когда он не работает над новым романом, он читает, гуляет и старается как можно чаще ходить в кино. Его любимый фильм – «Окно во двор». Или «Челюсти». А если честно, наверное, «Мэри Поппинс».

Книги автора:

- **Последние Девушки**
- **Моя последняя ложь**
- **Запри все двери**

В лучших традициях «Ребенка Розмари». У городской паранойи появился новый готический адрес.
Рут Уэйр

Напряженный триллер с сильным сюжетом.
New York Times Book Review

Автор, пишущий под псевдонимом, умело комбинирует зловещие события и городские легенды, добавляя элемент социального комментария. А финальный твист превращает книгу в нечто большее, чем просто бульварный роман.

Wall Street Journal

Бартоломью – это дом, полный ужасающих тайн. В его темных коридорах за каждым углом прячется неожиданный твист. Запирать двери уже поздно – ужас давно внутри. Лучший из прочитанных мной в этом году триллеров!

Роберт Стайн, автор «Ужастиков»

Третье по счету переосмысление Сейгером традиционных для хорроров мотивов. «Запри все двери» – это захватывающий триллер-«перевертыш», этакий «Ребенок Розмари», мастерски интерпретированный автором.

Booklist

Сейчас

Темнота резко сменяется светом, и я просыпаюсь.

Кто-то раскрывает мой правый глаз. Затянутые в латекс пальцы нетерпеливо раздвигают мне веки, словно непослушные жалюзи.

Снова свет. Резкий. Невыносимо яркий. Мне в глаз светят фонариком.

Потом то же самое проделывают с моим левым глазом. Раздвигают веки. Светят фонариком.

Потом мои глаза оставляют в покое, и я вновь погружаюсь во тьму.

Чей-то голос. Мужской, мягкий.

– Вы меня слышите?

Я открываю рот, и мою нижнюю челюсть охватывает боль. Пронзает шею и щеку.

– Да.

Я едва могу говорить. Мой рот совершенно пересох. Но на губах я ощущаю что-то влажное с привкусом металла.

– Это кровь?

– Да, – отвечает тот же самый голос. – Но могло быть и хуже.

– Намного хуже, – добавляет другой голос.

– Где я?

Первый голос отвечает:

– Вы в больнице, милая. Нам нужно провести еще пару обследований, чтобы понять, насколько серьезно вы пострадали.

Тут я понимаю, что двигаюсь. Я слышу звук колесиков, скользящих по полу, и ощущаю легкое покачивание каталки, на которой лежу. До этого мне казалось, будто я парю в воздухе. Я пытаюсь пошевелиться, но не могу. Мои руки и ноги привязаны к каталке. Что-то обвивает мою шею, фиксируя голову на месте.

Я не одна. Рядом по меньшей мере три человека. Двое говорящих и третий, толкающий каталку. Я ощущаю чье-то теплое дыхание на мочке уха.

– Давайте проверим, что вы помните. – Снова первый голос. Самый разговорчивый. – Можете ответить на пару вопросов?

– Да.

– Как вас зовут?

– Джулс. – Я делаю паузу – меня раздражает теплая влага на губах. Я пытаюсь слизнуть ее непослушным языком. – Джулс Ларсен.

– Здравствуйте, Джулс, – отвечает мужчина. – Меня зовут Берnard.

Я пытаюсь поздороваться в ответ, но у меня все еще болит челюсть.

Как и вся левая сторона тела, от плеча до колена.

Как и голова.

Боль накатывает на меня волной за считанные секунды, хотя до этого я почти ничего не чувствовала. Или, возможно, была просто не в состоянии ее воспринимать.

– Сколько вам лет, Джулс? – спрашивает Берnard.

– Двадцать пять. – Я замолкаю, пытаюсь справиться с новым приступом боли. – Что со мной случилось?

– В вас врезалась машина, милая, – говорит Берnard. – Или же вы врезались в машину. Мы не до конца разобрались в деталях.

Я ничем не могу ему помочь. Я не помню никакой машины. И вообще ничего не помню.

– Давно?

– Всего несколько минут назад.

– Где?

– Возле Бартоломью.

Я непроизвольно распахиваю глаза.

Мне в лицо бьет яркий флуоресцентный свет. Берnard идет рядом с каталкой. Он одет в яркую больничную униформу, у него темная кожа и добрые карие глаза. Я смотрю прямо в них и прошу:

– Пожалуйста, не отправляйте меня обратно.

Шесть дней назад

1

Лифт напоминает мне птичью клетку. Просторную и нарядную клетку – тонкие прутья и позолота. Заходя в лифт, я невольно думаю о птицах. Экзотических, ярких, элегантных птицах.

В отличие от меня.

А вот женщина рядом со мной в своем синем костюме от «Шанель», с безупречно уложенными светлыми волосами и дорогими кольцами на ухоженных руках как раз такая. На вид ей около пятидесяти. Может, чуть больше. Ботокс придает ее коже упругость и сияние. Ее голос чем-то напоминает шампанское – звонкий и искрящийся. Даже имя у нее соответствующее – Лесли Эвелин.

Все-таки это собеседование, так что я тоже в костюме. Черном.

Не от «Шанель».

Туфли я купила на распродаже. Мои каштановые волосы до плеч явно нуждаются в стрижке. Я бы зашла к парикмахеру, но даже это мне не по карману.

Кивая, я пытаюсь изобразить заинтересованность в рассказе Лесли Эвелин:

– Лифт сохранился в неизменном виде, само собой, как и главная лестница. В лобби почти ничего не поменялось с 1919 года. В те времена здания строили так, чтобы они могли простоять века.

И так, чтобы у людей не оставалось никакого личного пространства. В крохотной кабине нам с Лесли приходится стоять вплотную друг к другу. Впрочем, недостаток места с лихвой возмещается пышным убранством. Пол застелен красным ковром, потолок украшен сусальным золотом. Нижняя половина стен отделана дубовыми панелями, которые выше сменяются рядами узких окон.

Лифт оборудован сразу двумя парами дверей – одна из них, с тонкими словно проволока прутьями, закрылась сама по себе, другую, представляющую собой металлическую решетку, Лесли закрывает вручную, прежде чем нажать кнопку верхнего этажа. И вот мы трогаемся с места, медленно, но неуклонно поднимаясь на вершину одного из самых знаменитых зданий Нью-Йорка.

Если бы я знала, что квартира находится именно здесь, то ни за что не стала звонить по объявлению, сочтя это пустой тратой времени. Я не Лесли Эвелин, которая держит в руках портфель карамельного цвета и чувствует себя совершенно непринужденно. Я всего лишь Джулс Ларсен, уроженка маленького пенсильванского городка, где все занимаются добычей угля. На моем банковском счету осталось меньше пятисот долларов.

Мне здесь не место.

Но в объявлении не упоминался адрес. Там просто говорилось, что требуется кто-то, кто мог бы присмотреть за квартирой в отсутствие хозяев, и предлагалось позвонить по указанному телефону. Я могла. Я позвонила. Мне ответила Лесли Эвелин, продиктовавшая адрес и место встречи. Верхний Вест-Сайд. Но я поняла, во что вляпалась, только когда оказалась возле здания, судорожно перепроверяя адрес, не в силах поверить, что это и вправду нужное место.

Бартоломью.

Самое узнаваемое многоквартирное здание Манхэттена после Дакоты и двуглавого Сан-Ремо. Отчасти это связано с его узким фасадом. По сравнению с другими легендарными зданиями Нью-Йорка Бартоломью кажется тенью – тонкая полоска камня, всего тринадцать этажей, возвышающихся над западной частью Центрального парка. Бартоломью выгодно отличается от окружающих громадин. Он невелик, изящен и незабываем.

Но главная причина его славы – горгульи. Самые что ни на есть классические горгульи с крыльями как у летучей мыши и угрожающими рогами. Эти каменные твари здесь повсюду – парочка примостилась прямо над парадным входом, другие притаились по углам крыши. Фасад тоже украшен горгульями. Они сидят на небольших мраморных выступах, воздев руки к наружным карнизам, словно удерживая весь Бартоломью от падения. Из-за горгулий здание похоже на готи-

ческую церковь – поэтому его прозвали Сейнт-Барт.

За долгие годы Бартоломью со своими горгульями успел стать популярным объектом для съемки. Я видела его на открытках, в рекламе, в качестве фона множества фотосессий. Он появлялся в фильмах. И в сериалах. И на обложке бестселлера из восьмидесятых под названием «Сердце мечтательницы», из которого я впервые узнала о Бартоломью. Джейн часто читала эту книгу вслух, пока мы вместе валялись на ее просторной двуспальной кровати.

В книге рассказывалась история двадцатилетней сироты по имени Джинни, по прихоти судьбы и благодаря щедрости своей бабушки, которую она никогда не знала, поселившейся в Бартоломью. Джинни пытается освоиться в непривычно роскошной обстановке, примеряет множество причудливых нарядов и лавирует между несколькими ухажерами. Несомненно, это легкомысленная история, но оттого она не менее замечательна. После таких историй девочки начинают мечтать о том, чтобы найти свою истинную любовь на улицах Манхэттена.

Пока Джейн читала, я разглядывала обложку книги, на которой красовался Бартоломью. В нашей округе подобных зданий не было и в помине – лишь унылые одинаковые домишки и закопченные витрины, изредка перемежавшиеся школами или церквями. Мы с Джейн никогда не были в Манхэттене, но он манил нас. Как и мысль о том, чтобы поселиться в таком месте, совершенно не похожем на крохотный

двухквартирный дом, в котором жили мы с родителями.

– Когда-нибудь, – то и дело повторяла Джейн, дочитав очередную главу, – когда-нибудь я буду там жить.

– А я буду приходить в гости, – добавляла я.

Джейн проводила рукой по моим волосам.

– В гости? Мы будем жить там вместе, Джули.

Само собой, ни одна из наших детских фантазий не осуществилась. Детские мечты никогда не сбываются. Разве что у кого-нибудь вроде Лесли Эвелин. Но не фантазии Джейн. И уж точно не мои. Самое большее, что мне светит, – это поездка на лифте.

Шахту лифта обвивает лестница, проходящая через центр здания. Мне хорошо видно ее через окна. Десять ступенек – лестничная клетка – еще десять ступенек.

По одному из пролетов с трудом спускается пожилой мужчина, которого поддерживает под руку усталого вида женщина в фиолетовом костюме медсестры. Она терпеливо ждет, пока старик переведет дыхание, прежде чем пойти дальше. Они оба делают вид, что не обратили внимания на поднимающийся лифт, но украдкой все же бросают взгляды, прежде чем следующая лестничная клетка скрывает их из виду.

– В здании одиннадцать жилых этажей, начиная со второго, – говорит Лесли. – На первом этаже расположены служебные и подсобные помещения, а также сервисные службы. В подвале находится склад. На каждом этаже – четыре квартиры. Две в передней части здания и две в задней.

Медленно, но верно мы поднимаемся еще на один этаж. Снаружи ждет женщина, примерно возраста Лесли. Она одета в леггинсы, угли и толстый белый свитер и держит в руке украшенный стразами поводок, тянущийся к ошейнику неправдоподобно крошечной собачонки. Женщина машет Лесли в знак приветствия, разглядывая меня через большие солнечные очки. Несколько секунд, что мы смотрим друг на друга, оказывается достаточно, чтобы я узнала ее. Она актриса. Или, по крайней мере, была актрисой. Прошло десять лет с тех пор, как я последний раз видела ее по телевизору – в той мыльной опере, которую мы смотрели летом вместе с мамой.

– Это...

Я умолкаю, когда Лесли поднимает руку.

– Мы никогда не обсуждаем жильцов. Это одно из наших негласных правил. Здесь, в Бартоломью, мы умеем уважать конфиденциальность. Люди, живущие здесь, желают чувствовать себя комфортно в этих стенах.

– Но здесь и правда живут знаменитости?

– Я бы так не сказала, – ответила Лесли, – и нас это вполне устраивает. Не хватало еще толп папарацци у входа. Или, не приведи господь, повторения того, что случилось в Дакоте. Наши жильцы не выставляют напоказ свое богатство. Они не любят, когда вторгаются в их личную жизнь. Многие приобретают квартиры через подставные фирмы, чтобы не афишировать смену места жительства.

Лифт со скрежетом останавливается у самого конца лестницы, и Лесли объявляет:

– Вот мы и на месте. Двенадцатый этаж.

Она открывает внутреннюю дверь лифта и выходит наружу, цокая каблуками по черно-белой плитке.

Бордовые стены украшены светильниками, расположенными через равные интервалы. Мы проходим мимо двух дверей и оказываемся в конце холла, у широкой стены с еще двумя дверями. В отличие от предыдущих, на этих есть таблички с номерами.

12А и 12В.

– Я думала, здесь по четыре квартиры на каждом этаже, – говорю я.

– Так и есть, – отвечает Лесли, – кроме этого этажа. Двенадцатый этаж – исключение.

Я оглядываюсь на двери без опознавательных знаков.

– А что насчет тех дверей?

– Это складские помещения. Выход на крышу. Ничего особенного. – Лесли достает из портфеля ключи и отпирает дверь 12А. – А вот здесь – кое-что по-настоящему интересное.

Дверь открывается, и Лесли делает шаг в сторону, открывая моему взору маленькую, со вкусом оформленную прихожую. Вешалка, зеркало в позолоченной раме и столик, на котором стоит лампа, ваза и тарелочка для ключей. Из окна на другом конце квартиры, прямо напротив входной две-

ри, открывается самая потрясающая панорама, которую я когда-либо видела.

Центральный парк.

Поздняя осень.

Янтарные лучи солнца на оранжево-золотой листве.

И все это с высоты птичьего полета.

Панорамное окно от пола до потолка строго оформленной гостиной на другом конце коридора. Я подхожу ближе, борясь с головокружением, и останавливаюсь в считанных дюймах от окна. Прямо напротив виднеется озеро и элегантная арка моста Боу Бридж. В отдалении можно разглядеть террасу Бетесда и Лоуб боат хаус. Справа – Шип Медоу, зеленое покрывало, усыпанное крохотными фигурками людей, наслаждающихся осенним солнцем. Слева – замок Бельведер на фоне величественного Метрополитен-музея.

У меня захватывает дух.

Именно такой пейзаж я представляла, читая «Сердце мечтательницы». Такой вид открывался из окна у Джинни. Лужайка на юге. Замок на севере. Мост в центре – словно мишень, притягивающая к себе ее мечты.

На какую-то долю секунды мне кажется, что все это – правда. Вопреки всему, через что мне пришлось пройти. Или благодаря всему, через что я прошла. Мне чудится, будто я оказалась здесь по воле судьбы, но тут ко мне вновь приходит осознание – мне здесь не место.

– Прошу прощения, – говорю я, с трудом отворачиваясь

от вида за окном. – Думаю, произошла какая-то ошибка.

Между мной и Лесли Эвелин явно случилось недопонимание. Возможно, в объявлении был указан неверный номер. Или же я ошиблась, набирая его. Наш телефонный разговор вышел предельно коротким, и неудивительно, что произошла путаница. Я думала, ей нужен кто-то, чтобы присмотреть за квартирой. Она же решила, что я – потенциальный покупатель. И вот мы здесь – Лесли склоняет голову набок, глядя на меня в недоумении, а я поражена до глубины души видом, который, откровенно говоря, не предназначался для кого-то вроде меня.

– Вам не нравится квартира? – спрашивает Лесли.

– Очень нравится. – Я бросаю еще один взгляд из окна. Удержаться от этого – выше моих сил. – Но я не ищу жилье. Точнее, ищу, но я не смогу позволить себе жить здесь, даже если буду откладывать весь свой заработок до ста лет.

– Квартира пока не выставлена на продажу, – говорит Лесли. – Нам всего лишь нужно, чтобы кто-то пожил здесь три месяца.

– Никто не станет платить мне за то, чтобы я здесь жила. Пусть даже три месяца.

– Вы ошибаетесь. Именно этого мы и хотим.

Лесли указывает мне на диван в центре комнаты. Он отделан алым бархатом и судя по виду стоит больше, чем моя первая машина. Я опасно присаживаюсь – кажется, буд-то одно неверное движение может его испортить. Лесли са-

дится в похожее кресло напротив. Между нами на кофейном столике из красного дерева стоит горшок с белоснежной орхидеей.

Теперь, отвернувшись от окна, я вижу, что гостиная оформлена в красно-коричневых тонах, и кажется весьма уютной, хотя и немного чопорной. В углу тикают напольные часы. На окнах – бархатные шторы и деревянные ставни. Бронзовый телескоп на деревянном треножнике направлен не на небо, а в сторону парка.

Обои украшены красным цветочным орнаментом – лепестки разлетаются в стороны, словно веера, и переплетаются причудливыми узорами. Лепнина под потолком сменяется изящными завитками в углах комнаты.

– Видите ли, в чем дело, – начинает Лесли, – в Бартоломью есть еще одно правило: ни одна квартира не должна пустовать дольше месяца. Это очень старое правило и, по мнению некоторых, довольно нелепое. Но мы считаем, что здание, в котором кто-то живет, – это счастливое здание. Некоторые из квартир здесь едва можно назвать обжитыми. Да, у них есть владельцы, но они нечасто сюда навещаются. И их отсутствие накладывает на квартиры свой отпечаток. Они начинают напоминать музей. Или церковь, что еще хуже. Кроме того, нельзя забывать о вопросах безопасности. Если кто-то прознает, что квартира в Бартоломью несколько месяцев стоит пустая, сюда наверняка попытаются вломиться.

Так вот зачем они опубликовали такое простое объявление.

ние. Мне показалось странным, что оно было так расплывчато сформулировано.

– Значит, вам нужен сторож?

– Нам нужен жилец, – поправляет Лесли. – Кто-то, кто сможет вдохнуть в Бартоломью жизнь. Взгляните на эту квартиру. Ее владелица недавно скончалась. Она была бездетной вдовой. Единственные родственники – жадные племянники и племянницы, которые сейчас грызутся в Лондоне из-за наследства. А квартира меж тем пустует. На двенадцатом этаже всего две квартиры, представьте, каким пустым он будет казаться.

– Почему бы племянницам и племянникам не найти арендатора?

– Мы запрещаем сдавать квартиры. Только подумайте, вдруг арендатор что-то натворит?

И тут я наконец понимаю.

– А если вы платите кому-то за проживание, то можете быть уверены, что с квартирой ничего не случится.

– Именно, – говорит Лесли. – Своего рода подстраховка. Которая, смею заметить, весьма щедро оплачивается. Семья покойной владелицы 12А предлагает четыре тысячи долларов в месяц.

Мои руки, до того чинно сложенные на коленях, безвольно повисают.

Четыре тысячи баксов в месяц.

За то, чтобы жить здесь.

От такой щедрости мне чудится, будто алый диван куда-то исчез, и я зависла в воздухе.

Я пытаюсь собраться с мыслями и произвести нехитрое вычисление. Двенадцать тысяч долларов за три месяца. Более чем достаточно, чтобы я смогла привести свою жизнь в порядок.

– Полагаю, вы заинтересованы, – говорит Лесли.

Иногда жизнь подсовывает тебе кнопку перезапуска. От тебя требуется лишь нажать на нее изо всех сил.

Так сказала когда-то Джейн в те далекие времена, когда мы вместе читали на ее кровати. Тогда я была слишком юна, чтобы понять, что она имела в виду.

Теперь я понимаю.

– Да, заинтересована, – говорю я.

Лесли улыбается – ее губы цвета персика обнажают жемчужно-белые зубы:

– Тогда давайте приступим к собеседованию.

2

Вместо того, чтобы остаться в гостиной, Лесли решает совместить собеседование с экскурсией по квартире. Чем больше комнат я вижу, тем больше у меня возникает вопросов. Здесь не хватает лишь бильярдной и бального зала.

В первую очередь мы заходим в кабинет, расположенный справа от гостиной. Он оформлен очень по-мужски. Темно-зеленые тона и дерево цвета виски. Обои с тем же орнаментом, что и в гостиной, но ярко-изумрудного цвета.

– Чем вы занимаетесь? – спрашивает Лесли.

Мне следовало бы сказать, что еще две недели назад я занимала административную должность в одном из крупнейших финансовых учреждений страны. Не самую высокую – немногим лучше неоплачиваемой стажировки. Большую часть времени я делала ксерокопии, приносила коллегам кофе и пыталась избежать дурного настроения своего непосредственного начальства. Однако я зарабатывала достаточно, чтобы оплачивать счета, и могла лечиться по страховке. Пока меня не уволили, как и еще десять процентов офисных сотрудников. «Реструктуризация». Видимо, мой босс решил, что это звучит лучше, чем «сокращение». Как бы то ни было, я осталась без работы, а он, по всей вероятности, получил прибавку к зарплате.

– Я в поиске, – говорю я.

Лесли едва заметно кивает. Не знаю, хороший это знак или плохой. Она продолжает расспрашивать меня, пока мы идем по коридору.

– Вы курите?

– Нет.

– Выпиваете?

– Иногда позволяю себе бокал вина за ужином.

За исключением того дня две недели назад, когда мы с Хлоей пошли заливать мое горе. Я выпила пять маргарит подряд и потом долго блевала в ближайшем переулке. Но Лесли об этом знать не обязательно.

Коридор резко поворачивает налево. Лесли же ведет меня направо, и мы заходим в столовую, столь роскошную, что я не могу сдержать восклицания. Паркетный пол начищен до блеска. Над столом, за которым легко могла бы разместиться дюжина человек, висит массивная люстра. Уже знакомые обои здесь выполнены в светло-желтом тоне. Благодаря угловому расположению комнаты из окон здесь открывается не один, а сразу два вида: Центральный парк с одной стороны, край соседнего здания с другой.

Я обхожу стол по кругу и провожу по нему пальцем, пока Лесли спрашивает:

– Состоите ли вы в отношениях? Порой мы нанимаем в качестве временных жильцов парочки или даже целые семьи, но предпочтение отдается одиноким людям. Так проще с точки зрения закона.

– У меня никого нет, – отвечаю я, стараясь скрыть горечь в голосе.

В день своего увольнения я вернулась домой, в квартиру, где я жила со своим парнем Эндрю. По ночам он работал уборщиком в том же здании, где располагался мой офис. Днем он посещал занятия по финансам в Университете Пейси, как выяснилось, трахал свою одногруппницу, пока я была на работе.

Я застала их с поличным, вернувшись домой со скорбной картонной коробкой в руках, куда спешно сложила свои личные вещи перед уходом из офиса. Эти двое даже не дошли до спальни, а улеглись прямо на дешевом подержанном диване – Эндрю в приспущенных джинсах и его любовница с широко расставленными ногами.

Я бы расстроилась, если бы не была так зла. Еще мне было больно. Я винила себя за то, что вообще скатилась до такого, как Эндрю. Его не устраивала работа, и я знала, что он хотел от жизни большего. Но я не предполагала, насколько это желание буквально.

Лесли Эвелин отводит меня на кухню – такую огромную, что войти в нее можно и из столовой, и из коридора. Я медленно оглядываюсь по сторонам – меня завораживает безупречная белизна, гранитная столешница, отдельный столик для завтрака у окна. Такой кухне самое место на кулинарном шоу. Она невероятно фотогенична.

– Какая огромная, – говорю я, пытаюсь оценить размер

кухни.

– Это наследие тех времен, когда Бартоломью впервые открылся, – отзывается Лесли. – Само здание мало изменилось, но квартиры неоднократно подвергались перепланировкам. Некоторые помещения уменьшились, некоторые увеличились. Здесь когда-то располагались кухни и помещения для слуг из квартиры внизу, которая гораздо больше по размеру. Видите?

Лесли подходит к шкафчику между раковиной и духовкой. Она приподнимает дверцу, и моему взгляду открывается темная шахта, уходящая вниз, и два троса, крепящихся к блоку наверху.

– Это кухонный лифт?

– Именно.

– Куда он ведет?

– Честно говоря, понятия не имею. Его не использовали уже много лет. – Она захлопывает дверцу, внезапно возвращаясь в режим «Собеседование»: – Что насчет вашей семьи?

В этот раз мне сложнее сформулировать подходящий ответ. Это хуже, чем увольнение или измена. Одно неосторожное слово, и Лесли начнет выпрашивать подробности, а каждый следующий ответ будет звучать все печальней и печальней. Особенно если я скажу, что именно произошло.

И когда.

И почему.

– Я сирота, – отвечаю я, надеясь отделаться одним словом.

Удается, ну почти.

– Совсем нет родных?

– Да.

Я почти не кривлю душой. Ни у моих родителей, ни у бабушек и дедушек не было других родственников. У меня нет ни дяди, ни тети, ни двоюродного брата или сестры. Одна только Джейн.

Которая тоже умерла.

Возможно.

Вероятно.

– С кем нам следует связаться в чрезвычайной ситуации?

Две недели назад я бы назвала Эндрю. Теперь на ум приходит разве что Хлоя, хотя ее имя не указано ни в каких документах. Я даже не уверена, что это возможно по закону.

– Ни с кем, – говорю я и, понимая, как жалко это прозвучало, добавляю несколько более оптимистичное: – Пока что.

Надеясь сменить тему, я заглядываю в приоткрытую дверь рядом с кухней. Лесли понимает мой намек и ведет меня в другой коридор, ответвляющийся от главного. Коридор ведет к гостевой ванной комнате, которой Лесли пренебрегает, кладовке и – к моему изумлению – уходящей наверх винтовой лестнице.

– Господи боже, здесь еще и второй этаж есть?

Лесли кивает – похоже, мой возглас ее позабавил.

– Только квартиры на двенадцатом этаже могут этим похвастаться. Давайте, поднимайтесь.

Я избегаю по ступенькам винтовой лестницы, ведущей в спальню, еще более живописную, чем кухня. Цветочные обои здесь весьма удачно вписываются в интерьер – светло-голубой оттенок напоминает весеннее небо.

Как и столовая этажом ниже, спальня представляет собой угловое помещение. Скошенный потолок сходится с дальней стеной под острым углом. Массивная кровать расположена таким образом, что, лежа на ней, можно спокойно любоваться видом из окон. Прямо снаружи сидит одна из знаменитых горгулий.

Она восседает на углу карниза на согнутых лапах, сжимая когтями край крыши. Ее крылья распростерты так широко, что из окна, выходящего на север, виден кончик одного крыла, а из восточного – другого.

– Великолепная квартира, не правда ли? – спрашивает Лесли, внезапно возникшая у меня за спиной.

Я даже не заметила, что она поднялась следом за мной. Меня заворожили горгулья, спальня и невероятная мысль, что мне, возможно, заплатят за то, что я буду здесь жить.

– Великолепная, – повторяю я, не в силах добавить что-то новое.

– И весьма просторная, – добавляет Лесли. – Даже по сравнению с другими квартирами Бартоломью. Как я уже упоминала, это связано с ее изначальным предназначением. Когда-то здесь жили слуги. Они готовили внизу и работали парой этажей ниже.

Она обращает мое внимание на некоторые детали, которые я упустила из виду, – например, маленький закуток слева от лестницы, с парой кресел кремового цвета и стеклянным кофейным столиком. Я пересекаю комнату, подавляя искушение разуться и пройтись по мягкому белому ковру босиком. В стене справа – еще пара дверей. Одна ведет в ванную. Я заглядываю внутрь и вижу две раковины, стеклянную душевую кабину и ванну, покоящуюся на когтистых бронзовых лапах. За другой дверью скрывается огромная гардеробная с трюмо и таким невероятным количеством полок и вешалок, что сюда мог бы вместиться целый магазин одежды. Но все они пустуют.

– Эта гардеробная больше, чем моя детская спальня, – говорю я. – И вообще любая спальня, которая у меня когда-либо была.

Лесли, поправляющая волосы у трюмо, оборачивается.

– Раз уж вы упомянули свое жилье, то какой у вас адрес? Еще один щекотливый вопрос.

Я съехала в тот же день, когда узнала, что Эндрю спит с одногруппницей. У меня не было выбора. Договор об аренде был оформлен на Эндрю. Я не озаботилась тем, чтобы добавить туда свое имя, когда переехала к нему. Строго говоря, это место вообще не было моим домом, хоть я и прожила там больше года. Вот уже две недели я сплю на диване в квартире Хлои в Джерси-Сити.

– Прямо сейчас у меня нет своего жилья, – отвечаю я, на-

деясь, что не слишком напоминаю героя Диккенса, хотя, конечно, так и есть.

Лесли моргает, пытаясь скрыть удивление.

– Нет своего жилья?

– Дом, где я жила раньше, преобразовали в жилищный кооператив, – вру я. – Мне пришлось временно поселиться у подруги.

– Полагаю, перебраться сюда было бы вам удобно, – тактично замечает Лесли.

Это стало бы настоящим спасением. Я смогла бы спокойно найти работу и новое жилье. И ушла бы отсюда, имея на счете двенадцать кусков. Всего-навсего.

– Что ж, давайте уточним последние детали и решим, подойдет ли вам эта работа.

Лесли ведет меня к выходу из спальни, вниз по ступеням и обратно к алому дивану в гостиной. Я сажусь, вновь складываю руки на коленях и стараюсь не пялиться в окно. Это непросто – близится вечер, и солнце окрашивает парк в темно-золотые тона.

– У меня осталось всего несколько вопросов, – говорит Лесли, доставая из портфеля ручку и что-то вроде анкеты. – Сколько вам лет?

– Двадцать пять.

Лесли записывает мой ответ.

– Дата рождения?

– Первое мая.

– Страдаете ли вы какими-либо хроническими заболеваниями?

Я отрываю взгляд от окна.

– Зачем вам это знать?

– На случай чрезвычайной ситуации, – отвечает Лесли. – Так как у вас нет никого, с кем мы могли бы связаться, если, не дай бог, с вами что-то случится, то мне потребуется информация о состоянии вашего здоровья. Уверяю вас, это стандартная процедура.

– Я совершенно здорова, – говорю я.

Лесли держит ручку над бумагой.

– Никаких проблем с сердцем или чего-то подобного?

– Нет.

– Что насчет вашего слуха и зрения?

– С ними все в порядке.

– Аллергические реакции?

– На укусы пчел. Но я ношу с собой автоинжектор.

– Очень предусмотрительно с вашей стороны, – говорит Лесли. – Приятно встретить такую сознательную молодую особу. Последний вопрос – вы могли бы назвать себя любопытным человеком?

Любопытным. Такого я не ожидала – это ведь Лесли задает вопросы, не я.

– Боюсь, не поняла суть вопроса, – говорю я.

– Спрошу прямо, – сказала Лесли. – Вы любите совать нос не в свое дело? Задавать лишние вопросы? Рассказывать

другим о том, что узнали? Как вам наверняка известно, Бартоломью славится своим умением хранить тайны. Многие хотели бы узнать, что происходит в этих стенах – хотя, как вы успели убедиться, это самое обычное здание. Пару раз, когда мы публиковали объявление, приходили люди с нечистыми намерениями. Они выискивали грязные тайны. Вынюхивали секреты этого здания, его жильцов, его истории. Гонялись за сенсацией. Я умею распознавать таких людей. Очень хорошо умею. И, если вас интересуют сплетни, нам лучше расстаться прямо сейчас.

Я качаю головой:

– Мне все равно, что здесь происходит. Мне просто нужны деньги и крыша над головой.

На этом наше собеседование подходит к концу. Лесли встает, разглаживает юбку и поправляет одно из своих тяжелых колец.

– Обычно я предлагаю соискателям дождаться нашего звонка. Но в данном случае нет смысла тянуть время.

Я знала, что этот момент настанет. Знала еще в кабине лифта, похожей на птичью клетку. Мне нечего делать в Бартоломью. Людям вроде меня – одиноким, нищим, почти бездомным – здесь не место. Я в последний раз смотрю в окно, зная, что больше никогда не увижу такого вида.

Лесли заканчивает свою речь:

– Мы будем рады, если вы согласитесь здесь пожить.

Сначала мне кажется, что я не расслышала. Я смотрю на

Лесли непонимающим взглядом – хорошие новости для меня в новинку.

– Вы шутите.

– Отнюдь. Конечно, нам нужно осуществить проверку данных. Но, думаю, вы прекрасно нам подойдете. Вы молоды и умны. И, очевидно, пребывание здесь пойдет вам на пользу.

Тут я наконец понимаю: я буду здесь жить. Я буду жить в Бартоломью. В квартире моей мечты.

И более того – мне за это заплатят.

Двенадцать тысяч долларов.

У меня на глаза наворачиваются слезы. Я поспешно смахиваю их, чтобы Лесли не передумала, решив, что я чрезмерно эмоциональна.

– Спасибо, – говорю я. – Большое спасибо. Это настоящий подарок судьбы.

Лесли широко улыбается.

– Я очень рада, Джулс. Добро пожаловать в Бартоломью. Уверена, вам здесь понравится.

3

– В чем подвох? – спрашивает Хлоя, делая глоток дешевого вина. – Не верю, что его нет.

– Да, я тоже так думала, – говорю я. – Но я не могу найти никакого подвоха.

– Кто в здравом уме станет платить незнакомому человеку, чтобы тот пожил в его шикарной квартире?

Мы сидим в гостиной у Хлои, в ее совсем-не-шикарной квартире в Джерси-Сити, за кофейным столиком, который начал заменять нам обеденный с тех пор, как я поселилась у Хлои. Сегодня мы заказали ужин из дешевого китайского ресторанчика. Лапша лаомянь с овощами и жареный рис со свиной.

– Это настоящая работа, – добавляю я. – Нужно будет присматривать за квартирой, убирать ее и так далее.

Хлоя замерла, не донеся палочки с лапшой до рта.

– Постой, ты в самом деле согласилась?

– Разумеется. Завтра переезжаю.

– Завтра? Так быстро?

– Они хотят, чтобы кто-то поселился там как можно скорее.

– Джулс, я не страдаю паранойей, но это все очень подозрительно. Вдруг тебя хотят втянуть в секту?

Я закатываю глаза.

– Ты серьезно?

– Абсолютно серьезно. Ты никого из них не знаешь. Что случилось с женщиной, которая жила там раньше?

– Она умерла.

– При каких обстоятельствах? – спрашивает Хлоя. – Где?

Вдруг это случилось в квартире. Вдруг ее убили.

– Не говори чепухи.

– Я проявляю осторожность. – Хлоя раздраженно отпивает еще вина. – По крайней мере дай Полу просмотреть документы, прежде чем их подписывать.

Пол, парень Хлои, работает секретарем в крупной юридической фирме, готовясь к экзаменам на получение лицензии. Когда он официально станет юристом, они планируют пожениться, переехать в пригород, завести двух детей и собаку. Хлоя шутит, что у них есть амбиции.

У меня амбиций уже не осталось. Я пала так низко, что засыпаю там же, где ужинала. Мне чудится, будто за последние две недели весь мир сжался до размеров этого диванчика.

– Я уже подписала контракт, – говорю я. – На три месяца, с возможностью пролонгации.

Я несколько преувеличиваю. Я подписала соглашение, а не контракт, и Лесли Эвелин всего лишь намекнула, что спор из-за наследства может затянуться. Но мне хочется приукрасить ситуацию. Хлоя работает в сфере управления кадрами. Слово «пролонгация» должно ее впечатлить.

– Что насчет налогов? – спрашивает она.

– Налогов?

– Ты заполнила налоговую декларацию?

Я ковыряюсь палочками в рисе, выискивая кусочки сви-
нины, чтобы уйти от ответа. Но Хлоя вырывает картонную
коробку у меня из рук. Рис рассыпается по столику.

– Джулс, не соглашайся на работу с черной зарплатой. Это
очень подозрительно.

– Зато я получу больше денег.

– Это нарушение закона.

Я отбираю у нее коробку с рисом и втыкаю туда свои па-
лочки.

– Меня интересуют только деньги. Мне нужны эти двена-
дцать тысяч, Хлоя.

– Я же говорила, что могу дать тебе в долг.

– Я не смогу вернуть.

– Сможешь. Когда-нибудь. Не соглашайся на эту работу
только потому, что считаешь себя...

– Обузой? – спрашиваю я.

– Не я это сказала.

– Но я действительно обуза.

– Нет, ты моя лучшая подруга, которая переживает сей-
час сложный период. Ты можешь оставаться у меня сколько
захочешь. Уверена, вскоре у тебя все наладится.

Хлоя настроена оптимистичней меня. Последние две
недели я пыталась понять, каким образом все в моей жизни
пошло кувырком. Я умна. Старательна. Я неплохой человек

– по крайней мере, пытаюсь быть таковым. Но хватило всего лишь двух ударов судьбы – увольнения и предательства – чтобы я сломалась.

Найдется кто-то, кто скажет, что я сама виновата. Что надо было откладывать деньги на черный день. Иметь в зачатке хотя бы три месячные зарплаты, как советуют эксперты. Хотела бы я врезать тому, кто первым назвал эту цифру. Этот умник явно не представляет, каково это – жить на зарплату, которой едва хватает на аренду, еду и коммунальные услуги.

Мало кто понимает, что такое бедность, не испытав ее на себе.

Они не понимают, как трудно порой оставаться на плаву и как тяжело всплыть обратно, если ты, не дай бог, ушел под воду.

Они никогда не подписывали чек дрожащей рукой, молясь, чтобы на счету хватило денег.

Они никогда не ждали начисления зарплаты ровно в полночь, потому что в кошельке пусто, а кредитный лимит давно исчерпан, но за бензин надо заплатить прямо сейчас.

И за еду.

И таблетки, которые ты и так уже неделю не можешь купить.

Им никогда не приходилось сгорать от стыда под раздраженным взглядом кассира в супермаркете, когда твоя кредитная карта не срабатывает.

Мало кто понимает, как жестоки бывают люди. Как легко

они решают, что все твои проблемы – результат твоей лени, глупости, бездарно потраченных лет.

Они не знают, как дорого обходятся похороны родителей, когда тебе нет еще и двадцати.

Они не знают, каково это – плакать над стопкой финансовых отчетов, узнав, сколько долгов родители скопили при жизни.

Потом узнать, что их страховка аннулирована.

Потом вернуться в колледж, оплачивая учебу самостоятельно за счет пособия, двух работ и образовательного кредита, который ты закончишь выплачивать только в сорок лет.

Закончить колледж, получить диплом по литературе и приступить к поискам работы. Узнать, что ты либо недостаточно, либо чересчур квалифицирована для любой подходящей вакансии.

Люди не любят задумываться о подобной жизни. У них все в порядке, и они не могут поверить, что ты не в состоянии разобраться со своими трудностями. А ты остаешься наедине со своим унижением. Со своим страхом. И тревогой.

Боже, эта постоянная тревога.

Она не отступает ни на минуту. словно вибрация, которая пронизывает каждую твою мысль. В минуты отчаяния я задумываюсь, могу ли я пасть еще ниже и что я стану делать, если это случится. Постараюсь ли я выкарабкаться, как считает Хлоя? Или добровольно шагну во тьму, как сделал мой отец?

До сегодняшнего дня я не видела ни малейшего просвета. Но теперь тревога ненадолго отступила.

– Я должна сделать это, – говорю я Хлое. – Хоть и признаю, что это очень необычно.

– Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – добавляет она.

– Иногда с хорошими людьми случаются хорошие вещи в минуту нужды.

Хлоя пододвигается ближе и сжимает меня в объятьях – она регулярно делает так с тех самых пор, как мы заселились в одну комнату общежития на первом курсе.

– Я бы не стала так беспокоиться, если бы это был не Бартоломью.

– Чем тебе не нравится Бартоломью?

– Да взять хотя бы этих горгулий. Разве они не жуткие?

Вовсе нет. Мне весьма приглянулась та, что стоит за окном спальни. словно готический страж, охраняющий мой покой.

– Я слышала... – Хлоя выдерживает зловещую паузу, – всякое.

– Что значит «всякое»?

– Мои бабушка с дедушкой жили в Верхнем Вест-Сайде. Дедушка отказывался даже ходить по той стороне улицы, где стоит Бартоломью. Говорил, это здание проклято.

Я беру коробку с лапшой.

– Думаю, дело тут в твоем дедушке, а не в здании.

– Он действительно в это верил, – говорит Хлоя. – Он рас-

сказал мне, что архитектор, который спроектировал Бартоломью, совершил самоубийство. Спрыгнул оттуда, прямо с крыши.

– Я не собираюсь отказываться только из-за суеверий твоего дедушки.

– Просто будь осторожней. Если что, сразу же возвращайся сюда. Диван останется свободным.

– Спасибо за предложение, – говорю я. – Честно. Может, через три месяца я и правда вернусь. Но, даже если он и вправду проклят, Бартоломью – это мой шанс.

Мало кому выпадает возможность начать жизнь заново. Моему отцу так не посчастливилось. Матери – и подавно.

Но мне повезло.

Жизнь предложила мне кнопку перезапуска.

Я собираюсь нажать на нее изо всех сил.

Сейчас

Я прихожу в себя в полной растерянности. Я не знаю, где я, и это пугает.

Приподняв голову, я могу разглядеть полутемную комнату и освещенный проем двери. За ней виднеется стерильный коридор. До меня доносятся приглушенные голоса и чьи-то мягкие шаги по кафельному полу.

Боль, охватывавшая левую половину моего тела, теперь едва ощутима. Похоже, мне дали обезболивающее. Моя голова и тело кажутся неестественно легкими. Как будто меня набили ватой.

В панике я пытаюсь понять, что произошло, пока я была без сознания.

Мне поставили капельницу.

Забинтовали левое запястье.

Зафиксировали шею.

Моя голова тоже перебинтована. Я дотрагиваюсь до виска. Его простреливает боль, и я вздрагиваю.

Как ни странно, мне удается сесть, приподнявшись на локтях. Движение вызывает легкую боль в боку. За дверью кто-то говорит:

– Она очнулась.

Включается свет. Я вижу белые стены, стул в углу, репродукцию Моне в дешевой раме.

В комнату входит медбрат. Тот самый, с добрыми глазами. Бернад.

– Здравствуй, спящая красавица, – говорит он.

– Сколько я спала?

– Всего несколько часов.

Я оглядываюсь по сторонам. В комнате нет окон. Она ослепительно бела и кажется стерильной.

– Где я?

– В больничной палате, милая.

Это невероятное облегчение. На глаза наворачиваются слезы. Бернад поспешно хватается салфетку, вытирает мне щеки.

– Ну что ты, не плачь, – говорит он. – Все не так плохо.

Он прав. Все не так плохо. На самом деле все прекрасно.

Я в безопасности.

Я больше не в Бартоломью.

Пять дней назад

4

Утром я долго обнимала Хлою на прощание, прежде чем вызвать «Убер» до Манхэттена. Придется потратиться, чтобы довезти мои вещи. Хотя у меня их не так много. Когда я застучала Эндрю с его «подругой», то съехала из квартиры за одну ночь. Не было ни слез, ни громких криков. Я просто сказала ему: «Убирайся. Не возвращайся до утра. К тому моменту меня здесь уже не будет».

Эндрю даже не стал спорить, больше ничего и не нужно было знать. Я бы ни за что не простила его, но думала, что он хотя бы попытается сохранить наши отношения. Но он просто ушел. Я даже не знаю куда. Наверное, к той девице, чтобы продолжить начатое.

Пока его не было, я собрала вещи, выбирая только то, без чего не могла жить. Многое пришлось оставить, прежде всего то, что мы покупали вместе с Эндрю, потому что у меня не было никаких сил с ним спорить. Ему достались мини-духовка, кофейный столик из «ИКЕА» и телевизор.

Той долгой и ужасной ночью меня даже посещала мысль разгромить квартиру. Просто для того, чтобы доказать Эндрю, что не он один способен что-то уничтожить. Но мне не

хватало ярости – слишком я была удручена и измотана. Вместо этого я собрала все, что напоминало о наших отношениях, и положила в кастрюлю на плите. Совместные фотографии, открытки на день рождения, любовные записки. Потом я чиркнула спичкой и бросила ее в кастрюлю.

Перед уходом я вывалила пепел на пол кухни.

Это он тоже может оставить себе.

Теперь же, когда я снова собирала вещи, то пожалела, что не взяла с собой ничего, кроме одежды, аксессуаров, книг и памятных безделушек. Меня пугает, как мало у меня имущества. Вся моя жизнь уместилась в чемоданчик и четыре небольшие коробки.

Когда такси остановилось у Бартоломью, водитель восхищенно присвистнул:

– Вы здесь работаете, что ли?

Строго говоря, да. Но я решаю ответить иначе – не солгать, просто описать свою работу.

– Я здесь живу.

Я выхожу из машины и устремляю взгляд на фасад своего временного дома. Горгульи над входом смотрят на меня в ответ. Выгнутые спины и распростертые крылья вызывают ощущение, что статуи вот-вот спрыгнут вниз, чтобы поприветствовать меня. Но вместо них меня встречает высокий, крепко сложенный краснощекий швейцар с пышными усами. Он мгновенно оказывается рядом, стоит водителю открыть багажник.

– Позвольте вам помочь, – говорит он, протягивая руки к коробкам. – Вы, должно быть, мисс Ларсен. Меня зовут Чарли.

Я беру чемодан, не желая быть совсем бесполезной. Мне еще не доводилось жить в доме, где есть свой швейцар.

– Приятно познакомиться, Чарли.

– Мне тоже. Добро пожаловать в Бартоломью. Я отнесу ваши вещи. Заходите. Мисс Эвелин вас ждет.

Не помню, когда меня последний раз кто-то ждал. Это очень приятное чувство. Как будто мне здесь и правда рады.

Лесли действительно ждет в лобби. Она снова одета в костюм от «Шанель». На этот раз – желтый, а не синий.

– Добро пожаловать, добро пожаловать, – жизнерадостно говорит она, целуя воздух над моими щеками. Обратив внимание на чемодан, она спрашивает: – Чарли забрал остальные ваши вещи?

– Да.

– Наш Чарли – настоящее сокровище. Самый прилежный из наших швейцаров. Хотя все они чрезвычайно хороши. Если вам что-то понадобится, один из них всегда дежурит либо снаружи, либо здесь.

Она указывает на маленькое боковое помещение. Через приоткрытую дверь видны стул, стол и мониторы, показывающие трансляции с камер наблюдения. На одном из мониторов я замечаю двух женщин, стоящих на черно-белой плитке в лобби. Через пару мгновений я понимаю, что одна из этих

женщин – я. Другая – Лесли. Я поднимаю голову и вижу камеру прямо над главным входом. Переведя взгляд обратно на монитор, я замечаю, что Лесли отошла в сторону, оставив меня одну.

Я иду вслед за ней к почтовым ящикам на другом конце лобби. На каждом из сорока двух указан номер соответствующей квартиры, начиная от 2А. Лесли достает миниатюрный ключик на простом кольце с номером 12А.

– Вот ключ от вашего почтового ящика.

Она роняет его в мою протянутую ладонь, словно бабушка, угощающая ребенка леденцом.

– Проверяйте его каждый день. Конечно, вряд ли будет приходиться много почты. Но родственники покойной просили, чтобы любую корреспонденцию пересылали им. Само собой, вы не должны ничего вскрывать, даже если письмо покажется вам срочным. Вопрос конфиденциальности. Что касается вашей собственной почты, для нее мы предлагаем завести абонентский ящик. Использование этого почтового адреса в личных целях строго воспрещается.

Я киваю:

– Ясно.

– Что ж, давайте поднимемся наверх. Я как раз успею объяснить вам остальные правила.

Она вновь пересекает лобби, направляясь к лифтам. Я иду следом, катя за собой чемодан, и переспрашиваю:

– Правила?

– Ничего особенного. Просто указания, которым вы должны следовать.

– Что за указания?

Лифт занят, так что мы останавливаемся в ожидании. Через позолоченные прутья я вижу ползущие вверх тросы. Откуда-то снизу доносится шум работающих механизмов. Несколькими этажами выше медленно движется кабина лифта.

– Никаких посетителей, – говорит Лесли. – Это правило номер один. Абсолютно никаких посетителей. Вам запрещено приглашать гостей, пускать родственников, чтобы сэкономить на отеле, и, разумеется, приводить незнакомцев из бара. Надеюсь, вы меня поняли.

Я тут же вспоминаю Хлою, которой обещала показать квартиру сегодня вечером. Это правило ей не понравится. Она скажет, что это очень подозрительно. И я не могу с ней не согласиться.

– Вам не кажется, что это довольно... – я замолкаю, пытаюсь подобрать определение, которое не покажется Лесли оскорбительным, – ...строго?

– Возможно, – отвечает Лесли. – Но иначе никак. Здесь живут очень важные люди, которые не терпят присутствия посторонних.

– А я разве не посторонняя?

– Вы – сотрудница, – поправляет Лесли. – А также на следующие три месяца жилец.

Двери лифта наконец-то открываются, и наружу выходит молодой человек лет двадцати с небольшим. Он невысок ростом, но широкоплеч и в очень хорошей форме. Его волосы выкрашены в черный цвет, челка закрывает правый глаз. В мочках красуются небольшие черные диски.

– Какая удачная встреча, – говорит Лесли. – Джулс, позвольте представить Дилана. Он тоже присматривает за одной из пустых квартир.

Я так и догадалась, глядя на его футболку с логотипом Danzig и мешковатые потрепанные черные джинсы. Как и я, он явно чужак в Бартоломью.

– Дилан, это Джулс.

Вместо того, чтобы пожать мне руку, Дилан засовывает руки в карманы и невнятно бормочет что-то в качестве приветствия.

– Джулс переезжает к нам сегодня, – говорит ему Лесли. – Она как раз выразила удивление насчет некоторых правил, которые мы устанавливаем для временных жильцов. Возможно, вы хотели бы что-то добавить?

– Я ничего не имею против правил. – Сочные гласные и округлые согласные выдают в нем коренного жителя Бруклина. – Не о чем беспокоиться. Нормальные правила.

– Вот видите? – говорит Лесли. – Не о чем беспокоиться.

– Мне пора, – говорит Дилан, уставившись в пол. – Приятно познакомиться, Джулс. Еще увидимся.

Он проходит мимо, не вынимая руки из карманов и не

поднимая головы. Я провожаю его взглядом. Он замирает, словно колеблясь, когда Чарли открывает перед ним дверь. Когда Дилан наконец выходит наружу, он движется робко, словно олень, пересекающий оживленное шоссе.

– Очень приятный молодой человек, – говорит Лесли, когда мы заходим в лифт. – Тихий. Мы ценим это качество.

– Сколько человек сейчас присматривает за квартирами? Лесли задвигает решетку, служащую внутренней дверью лифта.

– Вы станете третьей. Дилан и Ингрид занимают квартиры на одиннадцатом этаже.

Она нажимает кнопку двенадцатого этажа, и лифт со скрипом приходит в движение. Во время подъема Лесли перечисляет остальные правила. Хотя мне разрешается свободно уходить из здания и возвращаться, каждую ночь я должна проводить в квартире. Логично. За это мне и платят. За то, чтобы я здесь жила. Занималась своими делами. Вдыхала в квартиру жизнь, как выразилась Лесли во время нашего странного собеседования.

Курение запрещено.

Еще бы.

Как и употребление наркотиков.

Само собой.

Употребление алкоголя допускается в разумных пределах – хорошие новости, поскольку в одной из коробок, которые Чарли должен доставить к моему порогу, лежат две подарен-

ные Хлоей бутылки вина.

– Следите, чтобы все было в безупречном состоянии, – говорит Лесли. – Если что-то сломается, немедленно сообщите обслуживающему персоналу. Через три месяца квартира должна выглядеть точно так же, как сегодня.

Все правила, за исключением самого первого, кажутся мне вполне разумными. Запрет приводить гостей тоже начинает казаться достаточно обоснованным. Пожалуй, Дилан был прав. Мне действительно не о чем беспокоиться.

Но тут Лесли добавляет еще одно правило. Мимоходом, словно только что его придумала.

– Ах да, еще кое-что. Как я уже говорила, наши жильцы ценят свое личное пространство. Поскольку некоторые из них – весьма важные люди, вы ни в коем случае не должны их беспокоить. Ни с кем не заговаривайте первой. И никогда не обсуждайте жильцов за пределами этих стен. Вы пользуетесь соцсетями?

– Только фейсбуком и инстаграмом, – отвечаю я. – Изредка.

За последние две недели я заходила только в линкед-ин, чтобы проверить, не подкинет ли кто-то из бывших коллег предложение о работе. Без толку.

– Ни в коем случае не упоминайте там Бартоломью. Из соображений безопасности мы отслеживаем аккаунты наших временных жильцов. Если в инстаграме появятся интерьеры Бартоломью, того, кто опубликовал эти снимки, немедленно

уволят.

– Лифт доезжает до верхнего этажа. Лесли отодвигает решетку и спрашивает:

– У вас есть какие-то вопросы?

Только один. Важнейший вопрос, который я боюсь задавать, чтобы не показаться грубиянкой. Но потом я вспоминаю о своем банковском счете, на котором после поездки на такси осталось на пятьдесят долларов меньше.

И о том, что мне нужно будет купить продукты.

И о сообщении, напоминающем, что я просрочила абонентскую плату за телефон.

И о пособии по безработице размером в двести шестьдесят долларов, на которые в этом районе долго не протянешь.

Я вспоминаю все это и решаю поступиться хорошими манерами.

– Когда мне заплатят?

– Очень хороший вопрос, спасибо, что спросили, – дипломатично говорит Лесли. – Вы получите первый платеж через пять дней. Тысяча долларов. Наличными. Чарли лично передаст вам деньги в конце дня. Он будет доставлять вам оплату в конце каждой недели.

У меня камень с души свалился. Я боялась, что увижу деньги только через месяц или, не дай бог, через все три. От радости я не сразу задумываюсь, как это странно.

– Наличными?

Лесли склоняет голову набок.

– Вы имеете что-то против?

– Я думала, что получу чек. Чтобы все было более официально, а не так...

Подозрительно, звучит у меня в голове голос Хлои.

– Так проще, – говорит Лесли. – Если вас это не устраивает, вы можете отказаться. Я ничуть не обижусь.

– Нет, – говорю я. Я не могу отказаться. – Меня все полностью устраивает.

– Прекрасно. Что ж, размещайтесь. – Лесли протягивает мне кольцо с двумя ключами. Один побольше, другой поменьше. – Большой ключ – от квартиры. Маленький – от хранилища в подвале.

Вместо того, чтобы уронить их мне в руку, как ключ от почтового ящика, Лесли кладет их мне на ладонь и аккуратно сгибает мои пальцы, заставляя сжать ключи в кулаке. Затем она улыбается, подмигивает и заходит обратно в лифт и исчезает из виду.

Я остаюсь одна и делаю глубокий вдох.

Это – моя новая жизнь.

Здесь.

На верхнем этаже Бартоломью.

Черт побери.

И более того – мне будут платить за то, что я здесь живу. По тысяче долларов в неделю. Я смогу расплатиться по кредитам, и у меня останутся деньги на будущее, которое внезапно кажется гораздо менее мрачным. Будущее ждет меня

за этой дверью.

Я отпираю ее и захожу внутрь.

Я решаю назвать горгулью за окном Джорджем.

Это имя приходит мне в голову, когда я затаскиваю в спальню последнюю коробку с вещами. Стоя на верхней ступеньке винтовой лестницы, я гляжу в окно, не в силах отвести глаз от распростершегося внизу парка. Солнечный свет озаряет изгиб каменных крыльев за окном.

– Привет, Джордж, – говорю я горгулье. Не знаю, почему я выбрала такое имя. Но, кажется, ему подходит. – Похоже, мы теперь соседи.

Остаток дня я провожу, пытаюсь освоиться в квартире покойной незнакомки. Я развешиваю свою одежду в гардеробной, занимая от силы десятую ее часть, и расставляю в ванной комнате свою немногочисленную косметику.

На прикроватный столик я ставлю фотографию в рамке. На снимке, который я сделала в пятнадцать лет, мои родители и Джейн позируют на фоне водопадов Бушкилл в горах Поконо.

Через два года Джейн пропала.

А еще через два не стало и моих родителей.

Я скучаю по ним каждый день, но сегодня – сильно, как никогда.

Рядом с фотографией я кладу потрепанное «Сердце мечтательницы». Тот самый экземпляр, который я берегу вот

уже столько лет. Тот самый, который Джейн читала мне вслух.

«Я очень похожа на Джинни, – сказала Джейн про главную героиню, когда мы впервые читали книгу. – Меня все время переполняют эмоции...»

«Что это значит? – спросила я».

«Что я слишком сильно все ощущаю».

И правда – Джинни на все реагировала с восторгом и энтузиазмом. Поход в Музей современного искусства. Прогулка по Центральному. Настоящая нью-йоркская пицца. Читатель все переживает вместе с Джинни: и плохие моменты (когда ее бросает негодяй Уайатт), и хорошие (когда Брэдли целует ее на крыше Эмпайр-стейт-билдинг). Потому-то «Сердце мечтательницы» и завоевало такую популярность у девочек-подростков. О такой жизни многие мечтают, но мало кто проживает ее на самом деле.

Для меня Джейн и Джинни оказались неразрывно связаны. Каждый раз, когда я перечитываю книгу – а я делаю это довольно часто, – представляю, что именно моя сестра, а не выдуманный персонаж поселяется в Бартоломью, находит приключения и истинную любовь.

Вот почему я так люблю эту книгу. Джейн заслужила хорошую концовку. А не ужасный финал, который скорее всего настиг ее в реальности.

Меж тем, в Бартоломью оказалась я. Глядя на «Сердце мечтательницы», я никак не могу поверить, что нахожусь

в том же здании, которое изображено на обложке. Вон там виднеется окно комнаты, в которой я стою. А у окна сидит Джордж, сложив лапы и расправив крылья.

Я дотрагиваюсь до горгульи на обложке и чувствую прилив симпатии. И не только симпатии. Я чувствую, что он – мой. Раз он сидит под моим окном, значит, принадлежит мне.

Существой в мире справедливость, он принадлежал бы Джейн.

Оставив книгу на ее законном месте, я присаживаюсь у окна с телефоном и ноутбуком. Прежде всего я отправляю сообщение Хлое, предупреждая ее, что визит отменяется. Если я напишу вместо того, чтобы звонить, возможно, она не станет задавать лишних вопросов и выражать недовольство по поводу моей новой работы.

Не повезло.

Хлоя отвечает ровно через три секунды.

Почему я не могу прийти?

Сначала я хочу сослаться на плохое самочувствие, но потом понимаю, что Хлоя непременно заявится с галлоном горячего бульона и сиропом от кашля.

Ищу работу.

Весь день?

Да, извини.

Когда можно будет прийти? Пол тоже хочет посмотреть.

Мне нечего возразить. Да, я могла бы придумать какое-то оправдание, но я не могу врать все три месяца. Придется сказать правду.

Не получится.

Хлоя мгновенно пишет в ответ:

Это еще почему???

Сюда не пускают посторонних. Такое правило.

Я едва успеваю отправить сообщение, когда телефон начинает звонить.

– Что еще за бред? – спрашивает Хлоя, стоит мне ответить. – Не пускают посторонних? Даже в тюрьмах разрешают свидания.

– Знаю, знаю. Это кажется странным...

– Это и есть странно, – говорит Хлоя. – Ни разу не слышала о здании, куда нельзя приглашать гостей.

– Я здесь не живу, а работаю.

– На работу тоже можно приводить друзей. Ты же много раз была у меня в офисе.

– Здесь живут богатые и важные люди. Очень богатые. Они ценят свое личное пространство. Я их понимаю. Я бы тоже не любила посторонних, если бы была какой-нибудь звездой или миллионершей.

– Ты оправдываешься, – говорит Хлоя.

– Ничего подобного, – отвечаю я, хотя и вправду чувствую себя некомфортно.

– Джулс, я просто беспокоюсь о тебе.

– Обо мне не надо беспокоиться. Ничего не случится. Я же не моя сестра.

– Это странное правило, дедушкины байки и то, что рассказал Пол... Меня все это пугает.

– погоди, что рассказал тебе Пол?

– Что тут сплошные секреты, – говорит Хлоя. – Он говорит, в Бартоломью почти невозможно поселиться. Президент их фирмы хотел купить там квартиру, так его даже на порог не пустили. Сказали, что свободных квартир нет, но они могут поставить его в очередь – лет на десять. И еще я прочла статью...

Мои мысли начинают путаться. Я чувствую подступающую головную боль.

– Что еще за статья?

– В интернете. Я пришлю тебе ссылку. Там написано про всякие странности, которые случались в Бартоломью.

– Какие странности?

– Как в «Американской истории ужасов». Болезни, странные происшествия. Тут даже жила ведьма, Джулс. Настоящая ведьма. Говорю тебе, это нехорошее место.

– Ничего подобного.

– Да ладно?

– Это просто работа. – Я выглядываю в окно, смотрю на крыло Джорджа, на парк, на город, простирающийся до горизонта. – Работа моей мечты. В квартире моей мечты.

– В которую меня не пускают, – добавляет Хлоя.

– Это действительно необычно. Зато работа – проще не бывает. И за нее отлично платят. С какой стати мне от нее отказываться? Только потому, что здесь живут скрытные люди?

– Тебе стоит задуматься, почему они такие скрытные, – говорит Хлоя. – Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

В конце концов каждая из нас остается при своем мнении. Я говорю Хлое, что понимаю ее опасения. Она выражает радость, что мне выпал такой шанс. Мы договариваемся поужинать вместе в ближайшее время, хотя деньги на ужин у меня появятся только на следующей неделе.

Закончив разговор, я принимаюсь искать работу. Насчет этого я не соврала. Я действительно собираюсь посвятить поискам весь день и все последующие дни. Включив ноутбук, я просматриваю свежие вакансии. Их немало, но мне ничего не подходит. Я всего лишь офисный планктон. Таких можно найти пучок за пятак.

Тем не менее я открываю все вакансии с более-менее подходящими требованиями и составляю для каждой из них сопроводительное письмо. Мне едва удастся побороть желание начать каждое письмо со слов: «Пожалуйста, дайте мне работу. Дайте мне шанс проявить себя. Верните мне утраченное чувство собственного достоинства».

Вместо этого я пишу стандартные бессмысленные фразы. Саморазвитие, желание расширить свою квалификацию,

приобрести новый опыт. Я отправляю письма вместе со своим резюме. Три письма в дополнение к четырем, которые я отправила за предыдущие две недели.

Я не рассчитываю, что мне ответят. Оптимизм еще никогда не шел мне на пользу. Как говорил мой отец: «Надейся на лучшее, но готовься к худшему».

В конце концов он утратил надежду, и не смог подготовиться к тому, что его ожидало.

Закончив с бессмысленными поисками работы, я открываю таблицу, чтобы распланировать бюджет на ближайшие несколько недель. Мне едва удастся сводить концы с концами. Раньше, когда я была на мели, меня выручали кредитки. Но теперь я превысила лимит на всех трех. Придется обойтись тем, что лежит на банковском счете. Я проверяю баланс, и моя душа уходит в пятки.

У меня осталось всего лишь четыреста тридцать два доллара.

6

У меня осталось всего лишь триста двадцать два доллара.

Все из-за ужасного договора о предоставлении мобильной связи, который я смогу разорвать только через год.

Мне удалось договориться с банками об отсрочке выплаты кредитов, но я не могу позволить себе не заплатить за телефон. Я и так просрочила платеж на неделю, еще немного – и мне отключили бы связь. И тогда до меня не дозвонился бы ни один потенциальный работодатель. Итак, минус еще сто десять долларов.

Я утешаю себя мыслью, что ровно в полночь на мой счет будет перечислено пособие по безработице. Утешение сомнительное. Я бы предпочла получить деньги за неделю честной работы.

Мое нынешнее положение не кажется мне честным.

Кажется, будто я приживалка.

«Никогда не бери то, чего не заработала» – говорил мне отец. – Рано или поздно все равно придется заплатить».

С этой мыслью я решаю заняться уборкой, хотя квартира и без того сияет. Я начинаю с ванной комнаты наверху – протираю столешницы и мою зеркала при помощи пульверизатора с чистящим средством. Затем я возвращаюсь в спальню и прохожусь по ковру изящным пылесосом, который нашла в кладовке внизу.

Потом я принимаюсь за кухню и тщательно протираю столешницу. Затем перемещаюсь в кабинет, смахиваю пыль с письменного стола, на котором не осталось ничего, что напоминало бы о прежней владелице. Если задуматься, это довольно странно. В квартире совсем не осталось ее личных вещей. Мебель, посуда, пылесос... Но ничего, что позволило бы мне ее опознать.

Одежда? В шкафах и в гардеробной пусто.

Семейные фотографии? О них напоминают только выцветшие прямоугольники на обоях в кабинете и в гостиной.

Я рассматриваю кабинет, прекрасно отдавая себе отчет в том, что отвлеклась от уборки. Но я вовсе не собираюсь вынюхивать грязные секреты бывшей владелицы. Мне просто интересно, кем она была. Я хочу узнать, живу ли я в квартире кинозвезды или директора фирмы.

В первую очередь я подхожу к книжным полкам и разглядываю корешки книг, надеясь, что они дадут мне подсказку. Без толку. На полках стоит классика в дорогих кожаных переплетах и бестселлеры десятилетней давности. Единственная книга, которая привлекает мое внимание – «Сердце мечтательницы». Неудивительно – это же Бартоломео.

Это издание в твердой обложке, в безупречном состоянии. Не то что мой старый экземпляр в мягком переплете, со сломанным корешком и потрепанными страницами. Я переворачиваю книгу и вижу фотографию автора.

Грета Манвилл.

Не самый удачный снимок. Ее лицо словно целиком состоит из острых углов. Высокие скулы. Острый подбородок. Узкий нос. На губах блуждает легкая усмешка. Ее словно позабавило что-то, о чем мы не знаем. Словно она смеялась над какой-то шуткой вместе с фотографом перед тем, как он сделал снимок.

За всю жизнь она написала одну-единственную книгу. После того, как Джейн познакомила меня с «Сердцем мечтательницы», я захотела прочесть другие книги Манвилл. Но ничего не нашла. Она написала одну-единственную безупречную книгу.

Я ставлю «Сердце мечтательницы» обратно на полку и подхожу к столу. В ящиках нет ничего интересного. Скрепки, шариковые ручки, несколько пустых папок и старых номеров «Нью-Йоркера». Никаких именных канцелярских принадлежностей или документов, где упоминалось бы имя покойной.

Но тут я замечаю наклейки на обложках журналов. На них указан не только адрес и номер квартиры, но и имя.

Марджори Милтон.

Я чувствую разочарование. Имя мне совершенно незнакомо – по всей вероятности, Марджори была обычной состоятельной дамой, которая унаследовала богатство, из-за которого теперь спорят ее наследники.

Я с досадой кладу журналы обратно в ящик стола и возвращаюсь к уборке. В гостиной я начинаю с ковра, окон и

кофейного столика, а потом начинаю смахивать пыль с лепнины под потолком, практически уткнувшись носом в обои.

Вблизи цветочный узор выглядит еще более отталкивающим. Цветы напоминают распахнутые рты. Овальные пространства между ними окрашены темно-красным, почти черным цветом. Кажется, будто обои утыканы человеческими глазами.

Я делаю шаг назад и прищуриваюсь в надежде развеять впечатление, что обои изображают ряды чьих-то глаз. Это не помогает. Глаза никуда не деваются, а цветы вдобавок больше не похожи на цветы. Вместо лепестков я вижу лица.

То же самое происходит с лепниной на потолке. Среди изящных завитушек прячутся широко раскрытые глаза и сморщенные лица.

Умом я понимаю, что это всего лишь оптическая иллюзия. Но мои глаза отказываются вернуться к прежнему восприятию. Цветы бесследно испарились. Вместо них я вижу лица. Гротескные физиономии с уродливыми носами, безобразными губами, вытянутыми челюстями – кажется, будто они о чем-то говорят.

Но стены не могут говорить.

Они лишь наблюдают.

Но где-то в квартире раздается шорох. Я слышу его даже из гостиной – что-то, похожее на приглушенный скрип.

Сначала я думаю, что это скребется мышь. Но вряд ли в Бартоломью стали бы мириться с мышами. Да и звук мало

походит на мышиную возню. Скрип звучит натужно, словно какой-то механизм, долгое время пребывавший в бездействии, наконец оживает. На ум приходят ржавые шестеренки и несмазанные шарниры.

Я иду на звук и оказываюсь на кухне, у шкафчика между духовкой и раковиной.

Звук доносится из кухонного лифта.

Я открываю дверцу шкафчика, за которой таится пустая шахта лифта. В лицо мне дует холодный сквозняк. Тросы, ранее висевшие неподвижно, теперь ожили и натянуты до предела. Блок наверху то проворачивается, то снова замирает. При движении он издает резкий, пронзительный скрип.

Я гляжу вниз, в шахту. В лицо мне по-прежнему дует сквозняк. Поначалу мне не удастся ничего разглядеть. Лишь тьма, простирающаяся, возможно, до самого подвала. Но потом из черноты проступает что-то новое. Вскоре я понимаю, что это крышка самого лифта.

Деревянная.

Покрытая толстым слоем пыли.

С отверстиями для тросов наверху и внизу.

Блок снова скрипит. Лифт продолжает подниматься. Сквозняк растревожил скопившуюся пыль, и она вылетает из шкафчика, словно облачко пепла из дымохода, заставляя меня отшатнуться.

Воображение переносит меня на сотню лет назад. Я представляю суесящихся поваров, отправляющих вниз роскош-

ные блюда. Шахта кухонного лифта наполняется ароматами жареного цыпленка, ягнятины, свежих трав. Обрато лифт привозит гору грязной посуды, испачканные приборы, хрустальные фужеры со следами помады и остатками вина на доньшках.

Теперь, сквозь пелену времени, эта картина кажется романтичной. На самом же деле людям приходилось нелегко. По крайней мере, слугам, которые жили и работали здесь.

Скрип наконец затихает – лифт достиг своей цели. Он идеально вписывается в пустое пространство за дверцей. Если бы не тросы, невозможно было бы догадаться, что это лифт, а не обычный кухонный шкафчик.

Внутри лежит лист бумаги. Точнее, страница, вырванная из книги. Страница со стихотворением Эмили Дикинсон. «Раз к Смерти я не шла».

Я переворачиваю страницу и вижу, что на обороте кто-то написал для меня послание. Совсем короткое. Три слова крупными печатными буквами:

ПРИВЕТ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Внизу – подпись чуть более мелкими буквами:

Ингрид

Я нахожу бумагу и ручку в одном из ящичков, заполненном разными мелочами – резинками, пакетиками с кетчупом и меню ресторанов с доставкой. Написав ответное послание: «Привет, спасибо!», я кладу его в лифт и тяну за трос.

Лифт приходит в движение.

Блок издает очередной скрип.

Когда лифт начинает опускаться, я наконец понимаю, как он огромен. Размером со взрослого мужчину и весом не меньше. Мне приходится схватиться за трос обеими руками. Я пытаюсь прикинуть, насколько глубоко успел опуститься лифт.

Пять футов. Десять. Пятнадцать.

Опустившись примерно на двадцать футов, он останавливается. Трос в моих руках провисает. Судя по всему, лифт оказался в квартире прямо подо мной.

11А.

Квартира, где живет загадочная Ингрид. Понятия не имею, кто она такая, но, кажется, мы подружимся.

Во второй половине дня я решаю сходить в магазин за продуктами. По сравнению с безмолвным двенадцатым этажом другие кажутся гораздо более оживленными. Я проезжаю на лифте мимо десятого этажа, на котором из-за одной из закрытых дверей звучит Бетховен. На девятом кто-то захлопывает дверь, из-за которой доносится резкий запах дезинфицирующего средства.

На седьмом этаже лифт останавливает другой жилец – актриса, которую я видела вчера. Сегодня они вместе с собачкой одеты в одинаковые отделанные мехом курточки.

При виде ее я на мгновение теряю дар речи. Как же звали героиню, которую она играла? Ту самую, которую терпеть не могла моя мама. Кэссиди, вот как.

– Мы поместимся? – спрашивает она, смеряя взглядом закрытую решетку лифта.

– Ах да, конечно.

Я открываю решетку и отхожу в сторону, чтобы дать им войти. Вскоре лифт снова приходит в движение, и, пока актриса поправляет у собачки капюшон, я думаю о том, в какой восторг пришла бы моя мама, узнав, что я ехала в одном лифте с Кэссиди.

Вблизи она выглядит совсем иначе. Возможно, из-за обильного макияжа. Тональный крем придает ее лицу неж-

ный персиковый оттенок. Или, возможно, дело в солнечных очках, которые закрывают треть ее лица.

– Вы здесь недавно, верно? – спрашивает она.

– Только что переехала, – отвечаю я. Стоит ли упоминать, что я здесь только на три месяца и только по работе? Пожалуй, нет. Если актриса, сыгравшая Кэссиди, решит, что я и правда живу в Бартоломью, пусть так и будет.

– Я здесь уже полгода, – говорит она. – Пришлось продать дом в Малибу, но, думаю, оно того стоило. Ах да, меня зовут Марианна.

Да, я знаю. Неотразимо стервозная Марианна Дункан была столь же неотъемлемой частью моих подростковых лет, как «Сердце мечтательницы». Придерживая собачонку, Марианна протягивает мне свободную руку, и я ее пожимаю.

– Джулс. – Я перевожу взгляд на собаку. – А как зовут этого красавчика?

– Руфус.

Я чешу его между ушками. В ответ Руфус лижет мою руку.

– О, вы ему понравились, – говорит Марианна.

Мы опускаемся ниже, и я вижу знакомые лица – пожилого мужчину, с трудом спускающегося по ступенькам, и его усталую помощницу. На сей раз вместо того, чтобы отвести взгляд, мужчина улыбается и машет нам дрожащей рукой.

– Так держать, мистер Леонард! – громко говорит Марианна. – У вас отлично получается! – повернувшись ко мне, она шепчет: – У него проблемы с сердцем. Он надеется из-

бежать нового инфаркта, спускаясь по лестнице пешком.

– Сколько инфарктов у него было?

– Три. Может, больше. Впрочем, он был сенатором. На такой работе не избежать сердечных приступов.

Когда мы выходим из лифта, я прощаюсь с Марианной и Руфусом и проверяю почтовый ящик. Он пуст. Неудивительно. Отворачиваясь от почтовых ящиков, я замечаю женщину, только что вошедшую в здание. На вид ей лет семьдесят, и она не прилагает ни малейшего усилия, чтобы скрыть свой возраст. Никакого ботокса, как у Лесли Эвелин, или толстого слоя косметики, как на Марианне Дункан. Эта женщина бледна, ее лицо слегка припухло. У нее седые волосы до плеч.

Мое внимание привлекают ее ярко-голубые глаза. Даже в полутемном лобби видно, что за ними скрывается острый ум. Наши взгляды встречаются – я смотрю на нее в упор, а она из вежливости делает вид, что не замечает этого. Но я не могу оторвать от нее глаз. Это лицо сотни раз смотрело на меня с обложки книги, и в это самое утро – тоже.

– Простите... – Я замолкаю, морщась от собственного голоса, который звучит так нервно и робко. Я заговариваю снова: – Простите, вы случайно не Грета Манвилл? Писательница?

Она заправляет за ухо прядь волос и одаряет меня бесстрастной улыбкой Моны Лизы – похоже, мое обращение ее не расстроило, но и не обрадовало.

– Да, это я, – говорит она вежливо, но настороженно, с хрипотцой в голосе, напоминающей мне Лорен Бэколл.

У меня перехватывает дыхание. Сердце так и колотится в груди. Не кто-нибудь, а сама Грета Манвилл стоит сейчас прямо передо мной.

– Меня зовут Джулс.

Не проявив ни малейшего желания пожать мне руку, она проходит мимо меня сразу к почтовому ящику. Я обращаю внимание на номер квартиры.

10А. Двумя этажами ниже квартиры, в которой живу я.

– Рада с вами познакомиться, – говорит Грета совсем не радостно.

– Я так люблю вашу книгу. «Сердце мечтательницы» изменило всю мою жизнь. Я читала его раз двадцать – это не преувеличение. – Усилием воли мне удастся прервать поток слов. Я делаю глубокий вдох, выпрямляюсь и спрашиваю, так спокойно, как только могу: – Не могли бы подписать мой экземпляр?

Грета даже не оборачивается.

– Не похоже, чтобы книга была при вас.

– Я имела в виду, позже. Когда мы встретимся в следующий раз.

– Откуда вы знаете, что мы еще встретимся?

– Ну, если мы встретимся. Я просто хотела поблагодарить вас за эту книгу. Это из-за нее я переехала в Нью-Йорк. А теперь я даже оказалась в Бартоломью. По крайней мере, на

время.

– Вы временный жилец?

– Да. Только что въехала.

Грета едва заметно кивает.

– Надо полагать, Лесли ознакомила вас с правилами.

– Да.

– Тогда вы знаете, что не должны беспокоить жильцов.

Я сглатываю. Киваю. Меня охватывает разочарование.

– Она говорила, что жильцы ценят свое личное пространство.

– Так и есть, – говорит Грета. – Имейте это в виду, если мы встретимся снова.

Она захлопывает почтовый ящик и проходит мимо, задевая меня плечом. Я съеживаюсь. Едва слышно говорю:

– Простите, что побеспокоила вас. Я подумала, вам будет приятно узнать, что «Сердце мечтательницы» – моя любимая книга.

Грета резко разворачивается, прижимая к груди стопку писем. Ее глаза обратились в пару льдинок.

– Ваша любимая книга?

Я едва сдерживаюсь, чтобы не взять свои слова обратно. «Одна из них» – чуть не срывается у меня с губ, жалкое и беспомощное. Я останавливаю себя. Если это станет моим последним разговором с Гретой Манвилл – а так, скорее всего, и будет, раз она такой неприятный человек, – я хочу сказать правду.

– Да.

– В таком случае, – говорит она, – вам следовало бы больше читать.

Я отшатываюсь от ее слов как от удара. Мои щеки заливают румянец. Грета меж тем с безупречно прямой спиной направляется к лифту, даже не глядя на меня.

От мысли, что ей все равно, как яотреагирую на оскорбление, мне становится еще хуже.

Я чувствую себя ничтожнейшим человеком в мире.

Поворачиваясь к выходу, я вдруг замечаю Чарли, стоящего прямо у дверей. Вряд ли он слышал весь мой разговор с Гретой Манвилл, но, по крайней мере, он видел достаточно, чтобы понять, почему я так расстроена.

Он прикладывает руку к фуражке:

– Мне нельзя дурно отзываться о жильцах, но я также не обязан закрывать глаза на откровенную грубость. Она была очень груба с вами, мисс Ларсен. От имени всего Бартоломью я приношу свои извинения.

– Ничего страшного, – говорю я. – Мне говорили вещи и похуже.

– Не принимайте близко к сердцу. – Чарли улыбается и открывает передо мной дверь. – Идите, насладитесь этим чудесным днем.

Я выхожу за порог и вижу трех девочек, сгрудившихся под горгульями над входом, чтобы сделать селфи. Одна из них поднимает телефон:

– Скажите «Бартоломью»!

– Бартоломью! – вторят ей подруги.

Я замираю в дверях, когда они делают снимок. Девочки уходят, смеясь и не догадываясь, что я тоже оказалась на фотографии. Может, они так меня и не заметят. Здесь, среди манхэттенской толпы, легко ощутить себя невидимкой. Вокруг толпятся туристы, собачники со своими питомцами, нянечки с колясками и вечно суетсяящиеся ньюйоркцы, расталкивающие прохожих локтями.

Я останавливаюсь на перекрестке, дожидаясь зеленого сигнала светофора. На фонарном столбе под порывами ветра трепещет приклеенный скотчем лист бумаги. Мне удастся разглядеть фотографию бледной женщины с миндалевидными глазами и каштановыми кудрями. Над фото крупными красными буквами выведены до боли знакомые слова:

ПРОПАЛА ДЕВУШКА

Из ниоткуда на меня резко накатывают воспоминания, и тротуар под ногами словно превращается в трясину.

Я не могу перестать думать о самых первых кошмарных днях после исчезновения Джейн.

Ее лицо тоже было на объявлениях – фотография из школьного альбома под кричащими красными словами: ПРОПАЛА ДЕВУШКА. На несколько недель этими объявлениями оказался оклеен весь наш крохотный городок. Ее лицо глядело отовсюду. Но настоящая Джейн пропала без следа.

Я отворачиваюсь, внезапно охваченная страхом, что на объявлении окажется лицо Джейн.

К счастью, загорается зеленый свет, и поток собачников, нянечек и остальных прохожих устремляется на другую сторону улицы. Я прибавляю шаг, желая очутиться как можно дальше от объявления на столбе.

Теперь у меня осталось всего лишь двести пять долларов.

В Манхэттене нет дешевых продуктовых магазинов. Особенно в этом районе. Хоть я и выбрала самую дешевую еду, которую смогла найти. Спагетти с томатным соусом. Сухие хлопья. Несколько замороженных пицц. Единственное, на что я позволила себе потратиться – немного свежих фруктов и овощей, чтобы получить хоть какие-то витамины. В голове не укладывается, что несколько апельсинов стоят столько же, сколько пять фунтов спагетти.

Я выхожу из магазина с недельным запасом еды в двух огромных бумажных пакетах. Они так и норовят выскользнуть у меня из рук при каждом шаге. Весят они тоже немало – скорее всего, из-за пицц. Я удерживаю пакеты повыше, так, чтобы они опирались о мои плечи. Тем не менее мне едва удается лавировать в толпе прохожих, спешащих во все стороны. Но, когда я добираюсь до Бартоломью, Чарли услужливо распахивает передо мной двери. Он приглашает меня внутрь изящным жестом, и на какое-то мгновение я чувствую себя особой королевской крови.

– Спасибо, Чарли, – говорю я в узкий промежуток между пакетами.

– Позвольте вам помочь, мисс Ларсен.

Я почти соглашаюсь, настолько мне не терпится избавиться-

ся от пакетов. Но тут я вспоминаю об их содержимом. Все эти коробки с брендом магазина, дешевые имитации известных брендов и бездарные логотипы. Меня пугает мысль, что Чарли станет хуже обо мне думать, увидев содержимое пакетов. Или, еще хуже, начнет меня жалеть.

Конечно, он этого не сделает.

Ни один нормальный человек так не поступит.

Но стыд и страх не отпускают меня.

Мне хотелось бы соврать, что эти чувства вызваны исключительно моими нынешними финансовыми затруднениями. На самом деле страх зародился во мне еще в начальной школе, когда я пригласила переночевать свою новую подругу по имени Кэти. Ее родители были гораздо богаче моих. Им принадлежал целый дом. Дом, в котором жили мы, делился на две симметричные половинки – в одной жили мы, а в другой – наша соседка, которая, будто назло нам, никогда не убирала с фасада новогодние украшения.

Кэти не обратила внимания на то, что половина дома была обвешана гирляндами и мишурой. Размер моей комнатухи ее тоже не смутил, как и простые макароны с сыром, которые мы ели на ужин. Но настало утро, и мама поставила на стол коробку с хлопьями. Это были не «Фрут лупс»¹, а «Фрут оус».

– Я не буду это есть, – сказала Кэти.

¹ «Фрут лупс» (англ. *Froot Loops*) – популярный бренд готовых завтраков.

– Это же «Фрут лупс», – сказала мама.

Кэти покосилась на коробку с нескрываемым презрением.

– Поддельные «Фрут лупс». Я ем только настоящие.

В итоге она так и не прикоснулась к еде, а вслед за ней отказалась от завтрака и я, к большому сожалению моей мамы. На следующее утро я тоже заупрямилась, хотя Кэти давно ушла домой.

– Я хочу настоящие «Фрут лупс»! – заявила я.

Мама вздохнула.

– Это те же самые хлопья, просто под другим названием.

– Я хочу настоящие, – сказала я. – А не подделку для бедных.

Мама разрыдалась прямо там, за кухонным столом. Не просто тихо заплакала – зарыдала, покрасневшись и вздрагивая всем телом. Я перепугалась и побежала к себе в комнату. Когда я спустилась на кухню на следующее утро, рядом с пустой миской стояла коробка «Фрут лупс». С того дня мама перестала покупать бренды-имитации.

Многие годы спустя, на похоронах моих родителей, я думала про Кэти, про «Фрут оус» и про то, во сколько обошлась родителям моя одержимость фирменными брендами. Не одну тысячу долларов, надо полагать. Глядя, как гроб с телом моей матери опускают в землю, я горько сожалела, что устроила скандал из-за каких-то жалких хлопьев.

И вот я здесь, поспешно иду мимо Чарли.

– Не стоит, я справлюсь. Но не откажусь от помощи с лиф-

том.

Я замечаю, что позолоченная кабина лифта вот-вот спустится на первый этаж, и ускоряю шаг. Бумажные пакеты трясутся у меня в руках, Чарли едва поспевает следом. У самого лифта я вдруг вижу девушку, сбегаящую вниз по лестнице. Она явно торопится. Не смотрит по сторонам. Уставилась в телефон.

– Эй! Осторожно! – кричит Чарли.

Слишком поздно. Мы сталкиваемся. От удара мы обе отлетаем в разные стороны. Девушка отшатывается и спотыкается. Я падаю, тяжело ударяясь о пол лобби, пакеты вылетают у меня из рук. Острая боль пронзает мою левую руку, но я куда больше волнуюсь из-за продуктов, раскатившихся по всему лобби. Спагетти рассыпались по полу, словно солома. Банка с томатным соусом разбилась, и апельсины катятся через расплзающуюся лужу, оставляя за собой красные полосы.

Девушка тут же подбегает ко мне.

– Боже, прости! Поверить не могу, какая же я неуклюжая!

Она пытается поднять меня на ноги, но я слишком занята, поспешно запихивая продукты обратно в пакеты, надеясь, что никто ничего не увидит. Но происшествие успело собрать небольшую толпу. Чарли помогает мне собрать рассыпавшиеся продукты, а Марианна Дункан как раз вернулась с прогулки. Она замерла в дверях, а Руфус возбужденно тьякает. Даже Лесли Эвелин выбежала на шум из своего

кабинета.

Сгорая от стыда, я стараюсь не обращать ни на кого внимания, собирая свои продукты. Протягивая руку к апельсину, я чувствую новый приступ боли.

Девушка ахает.

– У тебя кровь!

– Это томатный соус, – говорю я.

Я ошибаюсь. Прямо под локтем я вдруг замечаю глубокий порез. Кровь струится вниз по руке до самой ладони. У меня начинает кружиться голова, и я на мгновение забываю о боли. Но она возвращается с удвоенной силой, когда Чарли спешно достает из кармана платок и прижимает его к порезу.

Вокруг валяются осколки стекла. Должно быть, я напоролась на один из них, когда пыталась собрать продукты.

– Дорогая, вам нужно к врачу, – говорит Лесли. – Позвольте, я отвезу вас в больницу.

Я была бы не против, если бы могла за это заплатить. Но я не могу. Выходное пособие, которое я получила при сокращении, включает два месяца страховки, но за визит в травмпункт все равно придется выложить сотню долларов.

– Все в порядке, – говорю я, хотя сама начинаю в этом сомневаться. Платок Чарли побагровел от крови.

– Хотя бы загляните к доктору Нику, – говорит Лесли. – Он скажет, нужно ли наложить шов.

– У меня нет времени идти к врачу.

– Доктор Ник живет здесь, – отвечает Лесли. – На двена-

дцатом этаже. По соседству с вами.

Чарли запикивает мои продукты в мятые бумажные пакеты.

– Я обо всем позабочусь, мисс Ларсен. Идите к доктору Нику.

Лесли вместе с девушкой, которая в меня врезалась, помогают мне встать на ноги. Я и рта раскрыть не успеваю, как они заводят меня в кабину лифту. Втроем здесь не поместиться, поэтому девушка остается снаружи.

– Спасибо, Ингрид, – говорит Лесли, задвигая решетку. – Дальше я сама.

Я удивленно смотрю на девушку. Это и есть Ингрид? На вид мы примерно одного возраста, но она одета как подросток. Просторная клетчатая рубашка. Джинсы с прорезями на коленях. На одном из кедров развязаны шнурки. Ее темные волосы когда-то были выкрашены в голубой. Сейчас краска осталась только на концах волос.

Ингрид замечает, что я рассматриваю ее, прикусывает нижнюю губу и смущенно машет мне рукой.

Лесли нажимает кнопку верхнего этажа, и лифт приходит в движение.

– Как же вам не повезло, – говорит она. – Очень сочувствую. Ингрид – славная девушка, но очень уж рассеянная. Наверняка ей ужасно неловко. Но не переживайте, доктор Ник вам поможет.

И вот мы стоим у квартиры 12В. Лесли стучит в дверь, а я

продолжаю прижимать к руке пропитанный кровью платок. Дверь открывается. За ней стоит доктор Ник.

Я ожидала увидеть немолодого солидного мужчину. Седые волосы. Слезающиеся глаза. Твидовый пиджак. Но доктор Ник оказывается лет на сорок моложе, чем я ожидала, и гораздо симпатичней. У него темно-рыжие волосы. Ореховые глаза скрываются за очками в черепаховой оправе. На нем брюки защитного цвета и белая рубашка, которая подчеркивает, что он в прекрасной форме. Он похож не на врача, а на актера одной из мыльных опер Марианны Дункан.

– Что у нас здесь? – говорит он, переводя взгляд с Лесли на мою окровавленную руку.

– Небольшое происшествие, – говорит Лесли. – Не могли бы осмотреть Джулс? Или, возможно, нам нужно вызвать скорую?

– Не нужно, – говорю я.

Доктор Ник сухо улыбается:

– Это мне решать.

Лесли подталкивает меня к двери.

– Давайте, милая. Я навещу вас завтра.

– Вы уходите?

– Меня ждут дела. Я была занята, когда услышала шум, – отвечает Лесли, после чего заходит в лифт и исчезает из виду.

Я оборачиваюсь к доктору Нику, и он говорит:

– Не бойтесь, я не кусаюсь.

Может, и не кусается, но я все равно чувствую себя ужасно неловко. Молодой красивый врач, достаточно богатый, чтобы жить в Бартоломью. Одинокая девушка, временно поселившаяся по соседству. Если бы это был сюжет фильма, между ними завязалась бы приятная беседа, возникло бы взаимное влечение, и все непременно кончилось бы хорошо.

Но мы не в фильме. И не в «Сердце мечтательницы». Это холодная реальность.

Я живу в этом мире уже двадцать пять лет. Я успела смириться с тем, кто я такая. Офисная сотрудница. Девушка, которую вы можете встретить в лифте или у копировальной машины, но, скорее всего, вы ее даже не заметите.

Я девушка, которая проводила свои обеденные перерывы за книжкой (когда у меня еще были обеденные перерывы).

Девушка, на которую никто не взглянет дважды.

Девушка, которая за всю жизнь занималась сексом всего с тремя парнями, но все равно чувствует из-за этого ужасную вину, потому что мои родители полюбили друг друга еще в школе и никогда не оглядывались на других.

Девушка, которую предавали чаще, чем я могу сосчитать.

Девушка, на которую симпатичный сосед-врач обратил внимание только потому, что я порезалась и вот-вот закапаю кровью его порог. Мысль об этом побуждает меня наконец-то войти внутрь со смущенной, извиняющейся улыбкой.

– Простите, что побеспокоила вас, доктор Ник.

– Не стоит, – отвечает он. – Лесли правильно сделала, что

привела вас ко мне. Пожалуйста, зовите меня Ник. Давайте взглянем на вашу руку.

Его квартира – зеркальное отражение той, в которой живу я. Само собой, интерьеры различаются, но комнаты помещены в том же порядке, только наоборот. Гостиная находится прямо напротив прихожей, но кабинет расположен слева, а коридор – справа. Я иду вслед за доктором мимо угловой столовой, которая оформлена куда более по-мужски, чем в 12А. Темносиние обои. Шипастая люстра, похожая на объект современного искусства. Круглый обеденный стол окружают стулья с красной обивкой.

– Комнат здесь хватает, но врачебного кабинета, к сожалению, нет, – говорит доктор Ник. – Придется разместиться здесь.

Он входит на кухню и жестом предлагает мне сесть на барный стул у кухонной стойки.

– Сейчас вернусь, – говорит он и уходит дальше по коридору.

Я осматриваюсь. Его кухня такого же размера, как моя, и обставлена почти так же, но оформлена в более приглушенных тонах. Бежевая плитка и кухонная стойка песочного цвета. Единственное яркое пятно – картина над раковиной. На картине изображен змей, кусающий собственный хвост; его тело изогнуто восьмеркой.

Охваченная любопытством, я подхожу к картине. Она кажется довольно старой – ее покрывает паутина мелких тре-

щин. Но краски ничуть не поблекли, и яркие цвета по-прежнему притягивают взгляд. Спина змея покрыта ярко-алой чешуей. Живот – неприятного зеленоватого цвета. Единственный видимый глаз покрашен темно-желтым цветом. Зрачка у змея нет. Пустой желтый глаз напоминает мне пламя спички.

Доктор Ник возвращается, держа в руках аптечку для оказания первой помощи и набор медицинских инструментов.

– О, вы заметили моего уробороса, – говорит он. – Сувенир из одной из моих поездок. Вам нравится?

Ни капельки. Цвета чересчур броские. Змей – чересчур мрачный. Картина напоминает мне о тематическом мексиканском ресторане, куда однажды отвел меня Эндрю. Ресторан был посвящен Диа де лос Муэртос – мексиканскому Дню мертвых. С потолка свисали черепа. На лицах официантов тоже были изображены черепа. Я провела весь вечер, неуютно поживаясь.

Сейчас я тоже ежусь, садясь обратно на стул. Змей неотрывно смотрит на меня своим ярким немигающим глазом, словно спрашивая, хватит ли у меня смелости отвести взгляд. Я не отвожу.

– Что значит эта картина?

– Уроборос символизирует циклическую сущность вселенной, – отвечает доктор Ник. – Рождение, жизнь, смерть и перерождение.

– Круговорот жизни, – говорю я.

Он кивает.

– Именно.

Я смотрю на змея еще пару секунд, пока доктор Ник берет руки, надевает перчатки из латекса и осторожно убирает платок, прилипший к ране.

– Что с вами случилось? – спрашивает он и тут же добавляет: – Нет, не говорите, сам догадаюсь. Драка на ножах в Центральном парке.

– Всего лишь нечаянное столкновение и разбитая банка томатного соуса. Наверняка здесь такое регулярно случается.

Я замираю, когда он промывает порез перекисью, стараюсь не реагировать на резкую боль. Доктор Ник замечает мой дискомфорт и пытается отвлечь меня беседой.

– Итак, Джулс, как вам живется в Бартоломью?

– Откуда вы знаете, что я здесь живу?

– В противном случае Лесли вас сюда не привела бы. Или я ошибаюсь?

– Отчасти... – я на секунду замолкаю, пытаюсь вспомнить слово, которое употребила Лесли. – Я временный жилец. Прямо здесь, по соседству с вами.

– А, так это вам досталась квартира 12А. Вы только что переехали?

– Как раз сегодня.

– В таком случае, позвольте поприветствовать вас в Бартоломью, – говорит он. – Надеюсь, вы не обидитесь, что я

без подарка. Зато мои профессиональные навыки – в вашем полном распоряжении.

– Какова ваша специальность?

– Я хирург.

Я бросаю взгляд на его руки, пока он осматривает мой порез. Без сомнения, это руки хирурга – длинные изящные пальцы движутся легко и уверенно. Когда он заканчивает смывать кровь, я вижу, что порез вовсе не так глубокий, как мне показалось сначала. Доктор Ник быстро накладывает повязку.

– Думаю, этого достаточно, – говорит он, снимая перчатки. – Кровотечение остановилось, но лучше не снимайте повязку до утра. Когда вы в последний раз делали прививку от столбняка?

Я пожимаю плечами. Понятия не имею.

– Сделайте. Просто на всякий случай. Когда вы проходили полный осмотр?

– Эм... В прошлом году. – На самом деле, этого я тоже не помню. Я иду к врачу, только когда избежать визита уже невозможно. Даже до того, как я потеряла работу, регулярные осмотры и профилактические визиты казались мне пустой тратой денег. – Может, в позапрошлом.

– В таком случае, я хотел бы проверить работу вашего сердца, если не возражаете.

– Что-то не так?

– Не беспокойтесь. Это всего лишь предосторожность.

Человеческое сердце порой начинает биться неровно после кровопотери. Я просто хочу убедиться, что все в порядке. – Доктор Ник достает стетоскоп и прикладывает его к моей груди, прямо под ключицей. – Сделайте глубокий вдох.

Я вдыхаю аромат его одеколона. В нем чувствуются нотки сандалового дерева, цитруса и чего-то еще. Чего-то горького. Может быть, анис. Тот обладает похожим острым запахом.

– Очень хорошо. – Доктор Ник передвигает стетоскоп, и я делаю еще один глубокий вдох. – У вас необычное имя, Джулс. Это сокращение? Или прозвище?

– Нет. Все думают, что это сокращение от Джулии или Джулианны, но меня зовут именно Джулс. Отец рассказывал, что, когда я родилась, мама взглянула в мои глаза и сказала, что они сияют, как драгоценные камни².

Доктор Ник смотрит мне прямо в глаза. Мой пульс учащается. Я подозреваю, что доктор Ник это слышит, особенно когда он говорит:

– Ваша мать была права.

Я стараюсь не покраснеть, но тщетно. Мои щеки заливают жаром.

– А Ник – это сокращение от Николас?

– Да, признаюсь. – Он затягивает у меня на плече рукав тонометра.

– Давно вы живете в Бартоломью?

² Имя героини созвучно со словом *jewels* – драгоценные камни.

– Думаю, вы хотите знать, как человек моих лет может позволить себе квартиру в этом здании.

Он прав. Меня интересует именно это. Я снова краснею, на этот раз – от неловкости.

– Простите. Это не мое дело.

– Ерунда. На вашем месте мне тоже было бы любопытно. На самом деле я жил здесь всю свою жизнь. Квартира принадлежала моей семье много десятилетий. Я унаследовал ее пять лет назад, когда мои родители погибли в автокатастрофе во время поездки по Европе.

– Мне очень жаль. – Лучше бы я держала язык за зубами.

– Спасибо. Это была тяжелая потеря. Порой я чувствую себя виноватым, когда думаю, что, будь они живы, я жил бы в какой-нибудь бруклинской дыре, а не в одном из самых знаменитых зданий в мире. Иногда мне кажется, что я тоже временный жилец. Присматриваю за квартирой, пока родители не вернутся.

Доктор Ник заканчивает измерять мое давление.

– Сто двадцать на восемьдесят. Идеально. Похоже, вы совершенно здоровы, Джулс.

– Еще раз спасибо, док... – я обрываю себя на полуслове. – Спасибо, Ник. Я очень признательна.

– Не за что. Я был бы плохим соседом, если бы не помог вам.

Мы выходим обратно в коридор, и я на мгновение оказываюсь дезориентирована планировкой квартиры, зеркально

отражающей квартиру 12А. Вместо того, чтобы пойти направо, я сворачиваю налево и делаю несколько шагов в сторону двери в конце коридора. Она шире других дверей в квартире и закрыта на засов. Я поспешно разворачиваюсь и догоняю Ника, идущего к выходу.

– Простите, я чересчур любопытна, – говорю я ему, когда мы доходим до прихожей. – Не хотела напоминать вам о плохом.

– Нет нужды извиняться. У меня хватает и хороших воспоминаний, чтобы уравновесить плохие. К тому же, моя история не так уж уникальна. Наверное, в каждой семье есть своя трагедия.

Тут он заблуждается.

В моей семье трагедий было сразу две.

Когда я выхожу из квартиры Ника, мой телефон вибрирует. Хлоя прислала письмо, и я проглядываю его, отпирая дверь в квартиру 12А. Я с досадой выдыхаю, когда я вижу тему письма:

Стремная хрень

Больше в письме ничего нет – только ссылка на сайт. Я кликаю на нее и открываю статью со зловещим заголовком:

ПРОКЛЯТЬЕ БАРТОЛОМЬЮ

Я сую телефон обратно в карман и захожу в квартиру. Ключи я кидаю в предназначенную для них тарелочку, но промахиваюсь – связка ударяется о край столика и падает в угол прихожей, прямиком на решетку, прикрывающую вентиляционное отверстие в полу. Промежутки между витыми прутьями решетки достаточно велики, чтобы ключи могли туда провалиться.

И они проваливаются.

Моментально.

Я встаю на четвереньки и заглядываю в вентиляционное отверстие, но вижу только сплошную темноту.

Это плохо. Очень, очень плохо. Интересно, потеря ключей

считается нарушением правил? Наверняка.

Я все еще прижимаюсь лицом к решетке, когда раздается стук в дверь. Я слышу голос Чарли:

– Мисс Ларсен, вы дома?

– Секунду, – говорю я в ответ, поднимаясь с пола.

Прежде чем открыть дверь, я тру лицо рукой на случай, если на нем остался отпечаток решетки.

За дверью стоит Чарли с двумя бумажными пакетами в руках. Чистыми и новыми пакетами, в отличие от моих, мятых и порванных.

– Я подумал, это вам пригодится, – говорит он.

Я беру один из пакетов и иду на кухню. Чарли следует за мной за мной со вторым. В пакетах сложены продукты на замену тем, что пострадали от моего столкновения с Ингрид. Новая коробка спагетти. Новая банка соуса. Апельсины и замороженные пиццы. И кое-что еще: плитка темного шоколада. Дорогого и наверняка вкусного.

– Я попытался собрать ваши покупки, но, увы, мало что уцелело, – говорит Чарли. – Так что я сбегал в магазин.

Я смотрю на пакеты с продуктами, растрогавшись до глубины души.

– Не стоило, Чарли...

– Ерунда, – отвечает он. – У меня дочь – ваша ровесница. Меня пугает даже мысль, о том, чтобы она на несколько дней осталась голодной. Я был бы плохим отцом, если бы не помог вам.

Конечно, Чарли догадался, что я не смогла бы потратить-ся на еще один поход в магазин. Он видел, какие продукты я выбрала. Нетрудно понять, как сильно ограничен мой бюджет.

– Сколько я вам должна?

К моему облегчению, он отмахивается от вопроса, словно от мухи.

– Нисколько, мисс Ларсен. Считайте это компенсацией за неприятное происшествие в лобби.

– Вы про столкновение или про Грету Манвилл?

– И то, и другое, – говорит Чарли.

– Со всеми бывает. А про Грету Манвилл я уже забыла. – Я разворачиваю шоколадку, разламываю и предлагаю Чарли. – К тому же, все были так добры ко мне, должно же это было когда-нибудь закончиться.

– Вы не доверяете добрым людям? – Чарли кладет кусочек шоколада в рот.

Я делаю то же самое.

– Я не доверяю добрым богатым людям.

– Зря. Большинство людей, живущих здесь, именно такие. – Чарли двумя пальцами приглаживает усы. – Я же, к сожалению, богатством похвастаться не могу.

– Зато вы очень добры. И я перед вами в долгу.

– Просто сделайте для кого-нибудь доброе дело, – говорит он. – И долг будет возвращен.

– Я сделаю два добрых дела, – говорю я, прикусывая гу-

бу. – Потому что мне нужна ваша помощь еще кое в чем. Я, ну, уронила ключи в вентиляционное отверстие.

Чарли качает головой, сдерживая смехок.

– Которое из них?

– В прихожей. У двери.

Через пару минут я стою и наблюдаю, как Чарли прижимает к полу свой внушительный живот. В руке у него магнитная указка, которую он опускает через решетку.

– Мне так неловко, – говорю я.

Чарли шарит указкой по вентиляционной шахте.

– Такое часто случается. Эти решетки – словно ненасытные монстры. Сжирают все, до чего могут дотянуться.

Весьма точное сравнение. Чем дольше я смотрю на вентиляционное отверстие, тем больше оно напоминает мне распахнутую темную пасть.

– Например, ключи, – говорю я.

– А еще кольца. Пузырьки с таблетками. Даже телефоны, когда их роняют под неудачным углом.

– Наверное, вам все время жалуются на пропавшие игрушки.

– Вообще-то, нет, – отвечает Чарли. – В Бартоломью нет детей.

– Ни одного?

– Да. Не самое подходящее для детей место. Мы предпочитаем жильцов постарше – и потише.

Он осторожно достает магнитную указку. На конце бол-

таются мои ключи. Чарли аккуратно кладет их в тарелку на столике. Указку он убирает обратно во внутренний карман.

– Если еще что-то уроните, просто возьмите отвертку. Решетка легко отвинчивается, и до всего можно дотянуться, – говорит он.

– Большое спасибо, – я облегченно вздыхаю. – За все.

Чарли прикладывает руку к фуражке.

– Рад был помочь, Джулс.

Проводив Чарли, я возвращаюсь на кухню и раскладываю продукты по местам. Меня поражает не только его щедрость, но и внимательность. За исключением шоколадки, в пакетах лежат те же самые продукты, которые купила я.

Я как раз заканчиваю их раскладывать, когда из шкафчика раздается характерный скрип.

Кухонный лифт вновь вернулся к жизни.

Я открываю дверцу шкафчика и наблюдаю за приближением лифта. Внутри оказывается еще одно стихотворение.

«Не забывай» Кристины Россетти.

У меня перехватывает дух. Сердце пропускает удар. Это стихотворение мне знакомо. Его читали на похоронах моих родителей.

Не забывай меня, когда тебя покину.

В этом есть некоторая ирония – мне хотелось бы забыть, как я сидела на передней скамье в церкви, которую мои родители никогда не посещали при жизни. Рядом сидела Хлоя, за нашими спинами собрались еще несколько человек. Стихо-

творение прочитала моя школьная учительница английского – добрая, замечательная миссис Джеймс, чей голос звенел в безмолвной церкви.

На обороте – новое послание от Ингрид:

ПРОСТИ, ЧТО ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ

Я пишу на новом листке бумаги:

Ничего страшного. Не переживай.

Положив записку в лифт, я отправляю его вниз, в квартиру 11А. На этот раз я готова к его весу, и опустить лифт оказывается гораздо проще.

Пять минут спустя, большая часть которых ушла на медленный подъем лифта, я получаю ответ. Еще одно стихотворение. «Огонь и лед» Роберта Фроста.

Один сказал, что мир сгорит в огне...

На обороте вместо нового извинения я нахожу приказ:

*ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРК. ИМЕДЖИН³. ЧЕРЕЗ
15 МИНУТ.*

³ Имеется в виду мемориальный сквер «Земляничная поляна», созданный в память о Джоне Ленноне. В центре сквера находится мозаичная плита с выложенным на ней словом «Imagine». Название мозаики и самого сквера отсылают к знаменитым песням исполнителя.

Я подчиняюсь, и через пятнадцать минут уже стою на мозаике Имеджин, пытаюсь отыскать Ингрид в толпе туристов и неопрятных уличных музыкантов, играющих «Битлз». Стоит прекрасная погода. Шестьдесят с небольшим градусов по Фаренгейту⁴, ясно и безоблачно. Такая погода напоминает мне о детстве. Тыквы, груды осенних листьев, сладости на Хэллоуин.

Моя мама обожала это время года. «Погода Хезер», говорила она, потому что ее звали Хезер.

Наконец я замечаю Ингрид. В руках у нее два хот-дога, один из которых она протягивает мне.

– В качестве извинения, – говорит она. – Какая же я дура. Терпеть не могу людей, которые вечно пялятся в телефон и не видят ничего вокруг. А теперь я сама такой стала. Непростительно.

– Всего лишь случайность.

– Дурацкая случайность, которую можно было предотвратить. – Она откусывает здоровенный кусок хот-дога. – Было больно? Наверняка было больно. Столько кровищи.

Она ахает.

– Тебе пришлось наложить шов? Прошу, скажи, что тебе не пришлось накладывать шов.

⁴ Около 18 градусов Цельсия.

– Обошлись повязкой, – говорю я.

Ингрид прижимает руку к сердцу и облегченно вздыхает.

– Слава богу. Терпеть не могу швы. Врачи говорят, шов вообще не должен ощущаться, но я всегда их чувствую. Как будто кожу проткнули проволокой. Ужасно.

Она направляется вглубь парка. Я иду следом, хотя и пары минут в ее обществе хватило, чтобы меня утомить. Ингрид завораживает, словно ураган, на который смотришь, не отрываясь – прекратит он когда-нибудь кружиться или нет?

Как вскоре выясняется, Ингрид никогда не перестает кружиться. Она идет на несколько шагов впереди, оборачиваясь всякий раз, когда ей хочется что-то мне сказать. Иными словами, каждые пять секунд.

– Мне нравится этот парк. А тебе?

Поворот.

– Кусочек дикой природы прямо посреди города.

Поворот.

– Ну, не совсем дикой, он же был спроектирован. Здесь нет ничего случайного, и это, по-моему, даже круче.

На этот раз она поворачивается вокруг своей оси дважды, от чего краснеет и слегка пошатывается, словно ребенок, только что сделавший колесо.

Ингрид во многом напоминает мне ребенка. Не только темпераментом, но и внешностью. Когда мы останавливаемся на берегу озера, я замечаю, что она ниже меня примерно

на шесть дюймов. Выходит, в ней от силы пять футов роста⁵. Вдобавок она очень худощава. Кожа и кости. Она выглядит настолько изголодавшейся, что я предлагаю ей свой хот-дог.

– Нет, что ты, – говорит она. – Этот хот-дог – мое извинение. Хотя, наверное, я и за него должна извиниться. Никто толком не знает, что в них кладут.

– Я только что пообедала, – говорю я. – И извинения приняты.

Ингрид берет у меня хот-дог и делает торжественный реверанс.

– Кстати, меня зовут Джулс.

Ингрид откусывает от хот-дога, жует и говорит:

– Я знаю.

– А ты Ингрид из 11А.

– Верно. Ингрид Галлагер из 11А, которая умеет обращаться с кухонным лифтом. Вот уж не думала, что когда-то этому научусь, но поди ж ты.

Она плюхается на ближайшую скамейку, чтобы доесть хот-дог. А я стою рядом и наблюдаю за лодками на озере и немногочисленными прохожими на Боу Бридж. По сути, это тот же самый вид, который открывается из окна квартиры 12А, только с более близкого расстояния.

– И как тебе в Бартоломью? – спрашивает Ингрид, отправляя в рот последний кусочек хот-дога. – Как в сказке, прав-

⁵ 6 дюймов – примерно 15 сантиметров. Пять футов – примерно полтора метра.

да?

– Правда.

Ингрид тыльной стороной ладони стирает с губ остатки горчицы.

– Ты здесь на три месяца?

Я киваю.

– Я тоже, – говорит она. – Я здесь уже две недели.

– Где ты жила до этого?

– В Вирджинии. До этого – в Сиэтле. А родилась в Бостоне. – Она ложится на скамейку; кончики волос складываются в голубой ореол. – Нигде долго не задерживаюсь. Я кочевница.

По желанию или по необходимости? Я не понаслышке знаю, что такое бесконечный побег от ошибок и вечных неудач. Но, по правде говоря, Ингрид ничем не похожа на меня.

И тут меня вдруг осеняет: она похожа на Джейн.

Джейн отличалась таким же бурным темпераментом, бурлящим, порой чрезмерным энтузиазмом. Я никогда не чувствовала себя спокойно, хоть она и была моей сестрой и лучшей подругой. Но мне это даже нравилось. Нравилось, что Джейн служила своего рода противовесом моему тихому, скромному существованию. И Джейн это знала. Она то и дело норовила схватить меня за руку и потащить в лес на другом конце города, где мы забирались на огромные пни и до хрипоты выкрикивали боевые кличи, изображая Тарзанов.

Или в заброшенное административное здание старой угольной шахты – побродить по пустым затхлым офисам, куда долгие годы уже никто не заходил. Или в кинотеатр через заднюю дверь так, чтобы прокрасться на свободные места уже после начала сеанса.

Она причиняла столько боли и приносила столько облегчения. Исцарапанные коленки, комариные укусы, разбитые сердца...

Джулс и Джейн. Всегда вместе.

А потом – все.

– Из Бостона я уехала два года назад, – рассказывает Ингрид. – Приехала сюда, в Нью-Йорк. Да, забыла об этом упомянуть. Я уже была в Нью-Йорке. Не могу вспомнить ничего хорошего. Так что я отправилась в Сиэтл, работала там официанткой. Кошмар. Все эти сволочные кофейные маньяки. Так что на лето я отправилась в Виргинию, разносила напитки на пляже. А потом вернулась сюда. Сдуру подумала, что в этот раз все будет лучше. Ни фига. Прямо совсем никак. Я уже реально не знала, что делать, пока не увидела объявление про Бартоломью. Ну а дальше и так все ясно.

Мне становится дурно от одной мысли, что она переезжала столько раз за такой короткий промежуток времени.

– А тебя как занесло в Бартоломью? – Ингрид садится и хлопает ладонью по скамейке. – Давай, выкладывай.

Я сажусь рядом.

– Да нечего особо рассказывать. Ну разве что в один пре-

красный день я потеряла работу и бойфренда.

Ингрид снова выглядит шокированной, совсем как после вопроса про швы.

– Он умер?

– Его сердце умерло, – отвечаю я. – Или, может, у него вообще никогда не было сердца.

– Почему все парни такие мудаки? Я начинаю думать, что им это прививают в детстве. Типа, их учат, что можно быть козлами, и большинство женщин слова поперек не скажут. Потому я и сбежала из Нью-Йорка в прошлый раз. Из-за парня-придурка.

– Он разбил твое сердце?

– Растоптал, – говорит Ингрид. – И вот я здесь.

– А что насчет твоей семьи?

– У меня нет семьи. – Ингрид разглядывает свои ногти, покрашенные таким же голубым цветом, как концы ее волос. – В смысле, раньше была. Само собой. А теперь не осталось.

Эти слова – «не осталось» – эхом отдаются в моем сердце.

– У меня тоже никого не осталось, – говорю я. – Одна я. Хотя, может, у меня есть сестра. А может, и нет. Я не знаю.

Я не собиралась этого говорить. Слова вырвались сами по себе. Но я об этом не жалею. Я хочу, чтобы Ингрид знала, что, что мы с ней в одной лодке.

– Она пропала?

– Да.

– Давно?

– Восемь лет назад. – Даже не верится, что так давно. Тот день так ярко запечатлелся в моей памяти, словно это было вчера. – Мне было семнадцать.

– Что случилось?

– Полиция решила, что Джейн сбежала из дому. Отец считал, что ее похитили. Ну а мама была убеждена, что ее убили.

– А ты что думаешь? – спрашивает Ингрид.

– Не знаю.

Самое главное для меня – то, что Джейн больше нет рядом.

И, если она сбежала по доброй воле, то даже не попрощалась со мной.

Я все еще скучаю и все еще злюсь на нее, и ее исчезновение оставило у меня в сердце рану, которую ничто не сможет исцелить.

Она пропала в феврале. Погода стояла холодная, пасмурная, но бесснежная. Джейн только что отработала свою смену в местной аптеке на унылой главной улице нашего городка. Она работала там продавцом, с тех пор как закончила школу полтора года назад. Говорила, что копит деньги на колледж, хотя все мы знали, что поступать она никуда не собирается.

Последним, кто видел ее, оказался мистер Макиндо, владелец аптеки, который заметил из окна, как у входа притормозил черный «Фольксваген-жук». Джейн, стоявшая под на-

весом в бело-синюю полоску, села в машину.

По своей воле, говорил мистер Макиндо. Ее никто не за-
таскивал силой. И Джейн явно знала водителя. Она помахала
ему, прежде чем открыть дверь машины.

Мистер Макиндо не разглядел водителя. Только голубую
униформу Джейн, когда она садилась в машину.

«Фольксваген» уехал.

Больше Джейн никто не видел.

В последующие дни выяснилось, что ни у кого из ее дру-
зей не было такой машины. Как и у друзей ее друзей. Никто,
кроме самой Джейн, не был знаком с водителем.

Но «Фольксваген-жук» – не самая редкая машина. В Пен-
сильвании их тысячи. А номера мистер Макиндо не запо-
нил. Ему не пришло в голову, что это может быть важно. Ко-
гда его допрашивали, он не сумел вспомнить ни единой циф-
ры или буквы. Многие вменяли это в вину бедному мистеру
Макиндо, как будто, если бы не его плохая память, Джейн
тут же нашлась бы.

Но мои родители не держали на него зла. Спустя несколь-
ко недель, когда стало ясно, что Джейн вряд ли найдут, отец
зашел в аптеку и сказал мистеру Макиндо, что не винит его.

Тогда я об этом не знала. Мистер Макиндо сам рассказал
мне на похоронах моих родителей через несколько лет.

В тот же день я поняла, что больше не увижу Джейн. В
моем сердце до последнего теплилась надежда, что она про-
сто сбежала и когда-нибудь вернется домой. Но гибель на-

ших родителей не прошла незамеченной. Про нее говорили в новостях. Если бы Джейн услышала об этом, то наверняка приехала бы на похороны.

Но она не приехала, и я перестала надеяться. В моем сердце Джейн похоронена рядом с родителями.

– Даже если она жива, то уже никогда не вернется, – говорю я.

– Мне так жаль, – говорит Ингрид и замолкает. Вот как сильно я ее расстроила.

Еще несколько минут мы молча сидим рядом, глядя на озеро и наслаждаясь легким ветерком. Он шуршит ветвями и золотыми листьями у нас над головами. Порой листья срываются с деревьев и плавно опускаются вниз, как конфетти.

– Тебе правда нравится в Бартоломью? – подает голос Ингрид. – Или ты просто из вежливости сказала?

– Нравится, – отвечаю я. – А тебе нет?

– Не уверена. – Ингрид говорит медленно и тихо. Для меня это неожиданность – до этого она тараторила так громко, как только могла. – Тут неплохо, конечно. Даже здорово. Но мне кажется, что с Бартоломью... что-то не так. Ты, наверное, этого еще не заметила. Но заметишь.

Уже заметила. Обои. Я знаю, что на них изображены цветы, а не лица, но не могу отделаться от тревоги. Не хочу об этом говорить.

– Это старое здание. Они всегда кажутся странными.

– Дело не только в этом. – Ингрид прижимает колени к

груди. В такой позе она выглядит совсем ребенком. – Оно... оно меня пугает.

– Думаю, бояться нечего, – говорю я, хотя в памяти у меня всплывает статья, которую прислала Хлоя.

Проклятье Бартоломью.

– Слышала, что там случилось? – спрашивает Ингрид.

– Мне говорили, владелец спрыгнул с крыши.

– Это еще не самое страшное. Это самое безобидное.

Ингрид замолкает и оборачивается, глядя в сторону Бартоломью, возвышающегося над кронами деревьев. На северном углу здания сидит Джордж. При виде него мое сердце наполняется нежностью.

– Мне кажется, Бартоломью похож на дом с привидениями, только без привидений, – говорит Ингрид. – Вместо привидений – его история. Как будто все плохое, что там случилось, скопилось по углам, как пыль. И мы дышим этой пылью, Джулс.

– Тебе необязательно там оставаться, – говорю я. – Если тебе так там не нравится.

Ингрид пожимает плечами.

– А где еще мне жить? Да и деньги нужны.

Похоже, у нас больше общего, чем я подумала сначала.

– Мне тоже нужны деньги. – Мягко выражаясь. – Я поверить не могла, сколько за это платят. Чуть не упала, когда Лесли назвала сумму.

– Я тоже, сестренка. Извини, что нагнала жути. Я в нор-

ме. И с Бартоломью все в порядке. Думаю, мне просто одиноко. Я ничего не имею против здешних правил, кроме запрета приводить гостей. Иногда кажется, что я здесь как в одиночной камере. Особенно с тех пор, как Эрика съехала.

– Эрика?

– Эрика Митчелл. Она жила в 12А до тебя.

Я удивленно смотрю на Ингрид.

– Ты про владелицу? Которая умерла?

– Нет, Эрика была временным жильцом, как мы, – говорит Ингрид. – Она была классная. Мы пару раз гуляли вместе. Но потом она съехала, всего через несколько дней после того, как я сюда заселилась. Странно – мне она говорила, что будет жить в Бартоломью еще два месяца.

Не понимаю, почему Лесли не сказала мне, что в 12А уже был временный жилец. Конечно, это не так важно. Но из ее слов мне казалось, что владелица скончалась совсем недавно.

– Ты уверена, что она жила в 12А?

– Абсолютно, – говорит Ингрид. – Она послала мне записку с приветствием через кухонный лифт. А потом приехала ты, и я подумала, будет здорово сделать то же самое.

– Эрика не говорила, почему она съехала?

– Да она вообще ничего не сказала. Я узнала об этом от миссис Эвелин на следующий день. Наверное, нашла другое жилье или что-то типа того. Я расстроилась, потому что мне нравилось иметь классную соседку. – Ингрид неожидан-

но просветлела. – Эй, у меня идея. Давай каждый день здесь встречаться. Гулять и обедать в парке.

Я колеблюсь, но не потому, что мне не нравится Ингрид. Она мне нравится. Даже очень. Я просто не уверена, что смогу выносить ее общество каждый день. Я от этого-то разговора уже устала.

– Пожалуйста? – говорит она. – Мне так скучно в Бартоломью, а под боком такой классный парк. Подумай, Джуджу. Да, кстати, я решила, что буду называть тебя Джуджу.

– Буду иметь в виду. – Мне не удастся подавить улыбку.

– Не идеальный вариант, я знаю. Но твое имя само по себе почти как прозвище, так что мне трудно придумать что-то еще. Да, я в курсе, что бывает плохое джуджу, но бывает и хорошее. Ты – хорошее джуджу, определено⁶

⁶ Джуджу (англ. *jiji*) – система западноафриканских языческих верований или же магический объект, относящийся к этим верованиям. В разговорной речи «плохое джуджу» означает неудачу, а «хорошее джуджу» – удачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.